

КАЙ МАЙЕР

КОРОНА ІЗ ЗВЕЗД

ОТ АВТОРА «ВРЕМЕНИ БИБЛИОМАНТОВ»

Корона из звезд

Кай Майер

Корона из звезд

«АСТ»

2017

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

Майер К.

Корона из звезд / К. Майер — «АСТ», 2017 — (Корона из звезд)

ISBN 978-5-17-104033-8

Тронная планета Тиаманд – оплот религиозного культа, поклоняющегося черной дыре Камастраке и возглавляемого Божественной Императрицей. Служительницы культа – Орден ведьм – периодически выбирают знатных девушек с отдаленных планет, которым предстоит стать «невестами» Божественной Императрицы. Их дальнейшая судьба покрыта мраком... Когда выбор падает на юную Иницу Талантис, девушка вовсе не намерена покоряться своей участи – ее тайный возлюбленный Гланис готовит побег. Но казавшийся в теории безупречным план начинает рушиться при первых сложностях: подлость ведьм, крушение корабля и преследование дяди «невесты». К тому же, к Инице и Гланису присоединяются неожиданные и нежеланные союзники: матерый наемник Кранит и бывшая контрабандистка Шара Биттерштерн. Смогут ли четверка отверженных скрыться от преследования всех галактических сил?

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

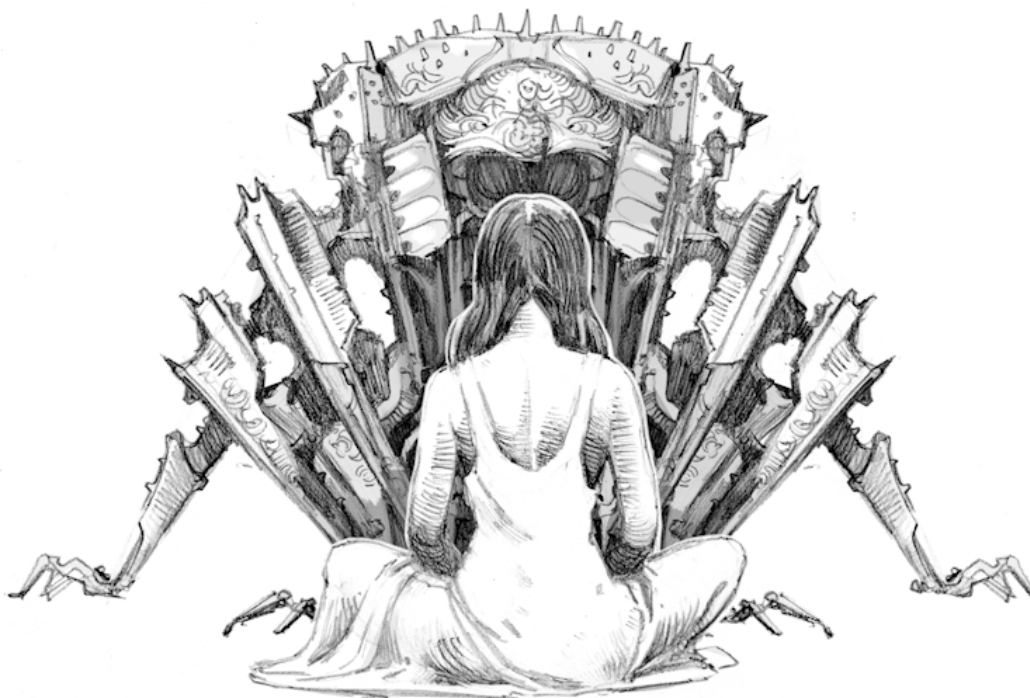
ISBN 978-5-17-104033-8

© Майер К., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

1	6
2	13
3	20
4	25
5	35
6	40
7	45
8	48
9	50
10	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Кай Майер

Корона из звезд

Kai Meyer

DIE KRONE DER STERNE

Печатается с разрешения издательства *S. Fischer Verlag GmbH*, Frankfurt am Main.

© S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main 2017

© Guter Punkt, Munich using an artwork by Jens Maria Weber

© Д. Андреева, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

*В память о Ли Брэкетт (1915–1978),
Эдмонде Гамильтоне (1904–1977)
и команде журнала «Planet Stories» (1939–1955)*

1

В ее глазах сияют звезды, сказал кто-то однажды. Иница ощущала течение Вселенной с тех пор, как она впервые посмотрела наверх, в ночь. Небо казалось ей не границей, а вратами. Она не могла дождаться дня, когда эти врата наконец-то распахнутся перед ней.

Но все произошло не так, как она себе представляла. На борт космического баркаса она вошла в сопровождении паладинов, облаченных в кроваво-красные доспехи. Задолго до того, как ее родной мир померк в плазмостоке двигателей, Иница поняла: здесь она не гостя, а пленница.

С ней обращались как с драгоценностью, на лету ловили каждое желание – баронесса то, баронесса это, – но не прошло и часа после старта, а она уже мечтала вернуться назад, во дворец на Кориантуме, с башен которого еще в детстве любовалась космосом во всем его великолепии.

Здесь, на корабле, Иница не видела звезд – только серые стальные стены, – и на второй день путешествия она попросила, чтобы ее отвели к одному из выпуклых панорамных иллюминаторов на верхней палубе баркаса.

Ведьма Сетембра прислала двух паладинов, вооруженных бластерами и клинками; они вывели Иницу из каюты и сопроводили туда, где небесные светила сияли стократ ярче, чем даже в самые ясные ночи дома, на Кориантуме.

В немом благоговении Иница созерцала космос, почти забыв, зачем на самом деле стремилась попасть на верхнюю палубу. А ведь это была часть плана.

Там, снаружи, роились огни галактики, внешний рукав ее спирали сверкал, словно река из звезд – кварцево-белых и красных, как рубины, изумрудно-зеленых и аквамариновых. Иница узнала Туманность Керкес, мерцающую за Пепельными Мирами, и в памяти всплыли рассказы об опустевших полях сражений на далеких лунах и полусгоревших остовах кораблей на забытых орбитах. Она видела созвездие Железного Кулака с павшими королевствами Течения Тарагантума, где флотилии Ордена уничтожили все сопротивление в галактике. А потом, когда баркас скорректировал курс, перед ней возникли планеты-рудники Марок – самого дальнего, пограничного региона Империи, оплота силы и беззакония, где одни только соображения выгоды решали судьбу месторождений, рабов и целых колоний.

И все-таки у Иницы захватило дух от того, как прекрасна Вселенная, а не от того, как она страшна – чего бы люди ни совершили и ни претерпели в свете всех этих солнц. Она

знала историю Империи, основы которой были заложены в эпоху Гегемонии, и немало слышала о тирании Властелина Машин, которого свергли ведьмы Ордена Камастраки. Но когда она смотрела из окна на небосвод, усыпанный миллионами звезд, она не видела ничего, кроме безмерного великолепия космоса.

– Никогда не хотелось совершить что-нибудь безумное? – спросила она паладина, стоявшего справа.

Он не шелохнулся, и даже если что-то дрогнуло в его лице под красным шлемом-маской, это осталось тайной. Глаза паладина скрывали фасеточные линзы, которые на много градусов увеличивали угол зрения. Иница даже не была уверена, что ее страж – мужчина: под красной кольчугой пола не разобрать.

– Я имею в виду, – продолжала она, – какое-нибудь дело, которое любой бы счел неосуществимым. Что-нибудь абсолютно сумасбродное. Воспарить на солнечных ветрах Кентры, например. Или ночью станцевать на берегу лавового моря Ксузии, – она снова отвернулась к окну и теперь разглядывала отражения паладинов в стекле. – Необязательно босиком.

Второй солдат, стоявший слева, едва заметно повернул к ней голову.

– Тебе это знакомо, да? – спросила она его. – Когда просто хочется быть не таким, как все.

Она знала, что говорит с человеком, который отрекся от права на индивидуальность с тех пор, как избрал жизнь паладина. Он был одним из миллионов, облаченных в красные доспехи из бронепластика и не отличимых друг от друга в одинаковых шлемах-масках.

– Быть выше всех прочих, – добавила она твердо. – Потому что делаешь то, о чем другие даже не помышляют. А если и помышляют, то не решаются исполнить.

Он повернул голову еще немного. Благодаря фасеточным линзам он наверняка уже видел ее целиком.

Перед приходом паладинов она расчесала свои длинные темные волосы и надела черное платье – приталенное, но не настолько узкое, чтобы кто-то заметил под ним штаны. Она надеялась, что оба паладина не имеют ни малейшего представления о моде Бароний, иначе бы они наверняка сообразили, что сапоги из-под подола – изрядная безвкусица.

– Там, снаружи, миллиарды солнечных систем, миллиарды возможностей. Есть о чем мечтать, – она немного понизила голос, словно ее слова были адресованы только солдату слева. – Неужели под этими шлемами нет места мечтам?

Паладин сказал:

– Если вы закончили, баронесса, мы проводим вас обратно в каюту.

Она вздохнула.

– В детстве с таким занудой, наверно, и играть-то никто не хотел?

– Баронесса, – спокойно отозвался он, – у нас приказ не спускать с вас глаз. Провокации не помогут.

Непросто было оторваться от панорамы галактики, но она, скроив возмущенную мину, сделала два шага назад. Скрежетнули пластины доспехов: солдаты обернулись к ней. Слишком поздно они увидели станнер, который она выхватила из-под платья. Оружие крошечное, но весьма действенное. Гланис тайком сунул его Инице сразу после взлета, перед тем как ее разлучили с ним и с остальными солдатами лейб-гвардии. Страх за Гланиса не отпускал ее с этой минуты.

Ее новый фаворит, паладин слева, оказался проворнее своего товарища, но струя энергии из станнера его опередила. Иница выстрелила дважды. Этого должно хватить, чтобы отключить солдат на пару минут, подумала она. Но паладин застонал и дрожащей рукой потянулся к тяжелому бластеру, который выронил при падении. Теперь, прежде чем направить дуло на ценную пленницу, ему придется переключить бластер на оглушение – еще бы подождать попросил.

Гланис предупреждал ее, что доспехи примут на себя большую часть заряда. Иница сделала шаг к паладину и изо всех сил ударила его по шлему. Затем еще раз – для верности. Он больше не шевелился; тогда она наклонилась и засунула дуло под кромку шлема. Выстрелила в

упор, вдоль шеи к уху – скорее всего, это стоило ему барабанной перепонки. Затем проделала то же самое с неподвижным вторым стражем. Он ей все равно не нравился.

На миг она замерла и глубоко вздохнула. Они с Гланисом тысячу раз все обговорили и вместе облазили останки древнего космического баркаса, гнившего на болоте среди других руин, чтобы в памяти запечатлелся каждый коридор, каждая вентиляционная шахта. Этот тип судна она изучила вдоль и поперек.

Оставалось только надеяться, что их план все еще в силе. И что с Гланисом и шестью его солдатами ничего не приключилось. Он значил для нее больше, чем просто капитан лейб-гвардии, и она задавалась вопросом, знает ли об этом ведьма Сетембра. Дома, на Кориантуме, никто ни о чем не подозревал, поэтому оставалась надежда, что до осведомителей Ордена дошли не все подробности.

Когда Иница распрямилась, снаружи, в космосе, звездное море Марок заслонил гигантский силуэт. Тело девушки словно одеревенело, и оружие, которое она держала в руке, было тут совершенно ни при чем.

– Ах ты ж хвост короний! – прошептала Иница. Нелепое ругательство, слишком старомодное для юной девушки, но оно было ей дорого, как любимая плюшевая игрушка. Дома во дворце хранилась реплика короны Божественной Императрицы – много поколений назад такую пожаловали каждой Баронии, – и Иница часто на нее любовалась. У короны и правда имелся хвост, ведь ее сковали из стального позвоночника Властелина Машин. На тронной платформе Тиаманда она кольцами обвивала шею и плечи Божественной Императрицы.

Расщелистый силуэт по ту сторону панорамного окна затмил и пылающую туманность, и созвездия: космический собор ведьминского Ордена походил на гору – высотой километров тридцать, шириной – все шестьдесят. Баркас стал медленно поворачивать, чтобы взять курс на ангар собора, и постепенно в поле зрения появилась илистого цвета планета – по космическим меркам до нее было рукой подать. Собор нависал над ней, словно паук над коконом кладки.

Гигантский флагман Ордена по форме напоминал пирамиду: широкий в основании, он сужался кверху. Лабиринт надстроек венчало величественное девичье лицо – образ Божественной Императрицы. Высота от подбородка до лба – километра три, невидящий взгляд устремлен в космос, выражение серьезное и неприступное. Когда именно соборы украсили этими ликами, в Барониях никто уже не помнил, но с тех пор прошло не одно столетие. Если Божественная Императрица и по сей день столь же прекрасна, значит, она действительно не может ни состариться, ни умереть – как и утверждал Орден.

Скошенные стены собора обросли лесом стальных статуй, многие из которых достигали нескольких километров в высоту. Мускулистые тела, по большей части нагие или в доспехах, застыли в героических позах стоя, сидя, лежа, – персонажи мириад мифов со всей Империи. На обшивке собора не было ни клочка свободного места, всюду высились стальные колоссы, полностью скрывая от глаз фюзеляж.

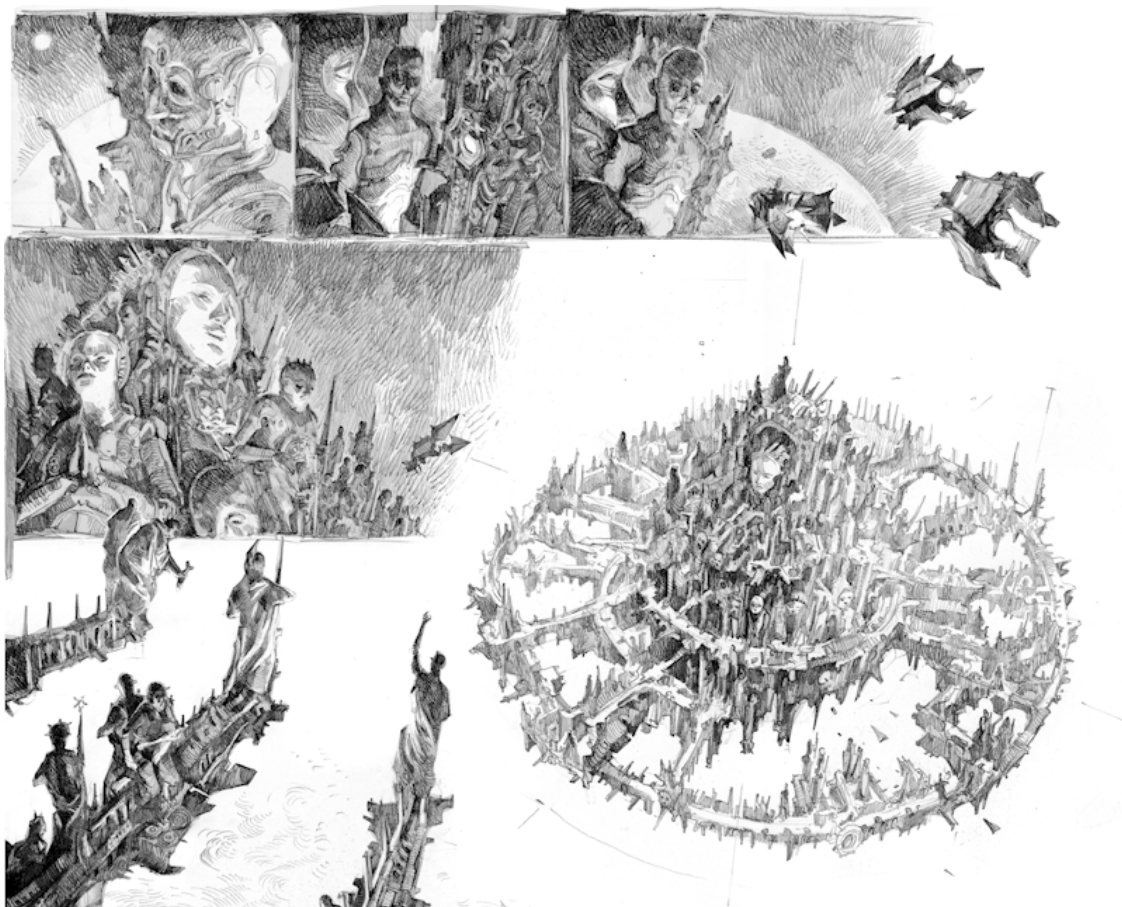
Основой соборам служили очень древние корабли. Тысячу лет назад ведьмы Ордена Камастраки низвергли Властелина Машин, и с тех пор победительницы воздвигали на захваченных космических крепостях исполинские скульптуры – яркие доказательства своей мании величия. Так как соборы всегда находились вне атмосферы, сила тяжести не могла повредить изваяниям. Сотни скульпторов, их помощников и каторжан постоянно занимались текущим ремонтом. Даже когда соборы ныряли в гиперпространство, чтобы преодолеть невообразимые расстояния, на которые простирались владения Ордена, ремонтные бригады продолжали роиться в переплете железных ущелий, подчищая, латая или сооружая новые статуи прямо на старых. Самые мелкие фигуры стояли на плечах более крупных, а те, в свою очередь, попирали ногами героев-гигантов.

Ни во времена Гегемонии, ни под властью машин галактика не видела такого размаха. Никто за пределами Ордена не знал, сколько соборов существует, оценки колебались между

двадцатью и двумя сотнями. Только эти корабли могли пересекать гиперпространство благодаря собственной мощи и, казалось, находились всюду одновременно. По меньшей мере полдюжины соборов базировались в Марках, дабы могущественная Рудная Гильдия не забывала, что ведет бизнес с милостивого соизволения ведьм.

Однако тот собор, который парил перед Иницей над рудной планетой Нурденмарка, не относился к военному контингенту Ордена, сосредоточенному в этом регионе. Он прибыл с самой Тиаманды, тронной планеты Божественной Императрицы. Чудовищный корабль пересек всю Империю и теперь парил среди окраинных миров.

А дальше, над самой пропастью межгалактического вакуума, виднелось скопище далеких солнц, окруженных горсткой обитаемых миров, – Внешние Баронии. Там, далеко за пределами орденских владений, среди одиноких планет, вращавшихся вокруг этих светил, находился и Кориантум, которым с незапамятных времен правила семья Иницы – дом Талантис.

Впрочем, независимость Бароний была не более чем иллюзией. Хотя собор соблюдал почтительную дистанцию, ожидая прибытия Иницы, он все равно представлял собой угрозу. Каждые пять земных лет из молодых уроженок Бароний выбирали невест Божественной Императрицы, которых увозили на Тиаманду. Их дальнейшая судьба была покрыта мраком, так как на родине их больше никогда не видели. Иногда отбирали трех-четыре девушки, иногда лишь одну, как в этом году. Только Иница прошла обязательное испытание, и теперь баркас вез ее к собору, на котором ей предстояло продолжить путешествие к далекому двору Божественной Императрицы.

Если Иница взойдет на борт крепости Ордена, ее судьба будет решена. Поэтому они с Гланисом спланировали побег настолько тщательно, насколько это вообще возможно было сде-

лать. Обоим было предельно ясно, что понадобится куда больше везения, чем смекалки, чтобы претворить их дерзкий план в жизнь.

Иница очнулась от оцепенения, охватившего ее при виде собора. Одним движением она разорвала платье по заранее сделанной стежке. Под платьем были облегчающие штаны из сотового эласта и темный свитер, воротник-стойку которого она теперь отвернула до самого подбородка. Ночи на Нурденмарке холодные, гласили архивы. Будет горькой иронией судьбы, если они с отрядом Гланиса спустятся на планету в одной из спасательных шлюпок, а потом замерзнут насмерть.

Она взяла меч одного из паладинов, а их самих оставила лежать перед панорамным окном. Прятать тела времени не было. Выстрелы из станнера могли услышать, и тогда на подходе был бы уже целый взвод.

Ей понадобилась секунда, чтобы сориентироваться на верхней палубе. Повернув налево, в коридор, она слышала, как грохочут далеко позади тяжелые сапоги паладинов.

Сделав несколько шагов, она заметила справа в стене вентиляционную решетку. Скрытая за ней узкая шахта вела на более высокий, технический этаж – что-то вроде чердака, где размещались громоздкие старинные механизмы баркаса. Этому ржавому реликту Гегемонии, как и почти всем кораблям в Империи, было больше тысячи лет. Ведьмы запрещали строить новые машины под угрозой драконовских наказаний – вплоть до миросожжения. Подавление технического прогресса являлось одним из их главных принципов. Посему имперские баркасы были так же допотопны, как и законы Ордена, в распоряжении которого они находились.

Иница сунула меч под кромку вентиляционной решетки, и ветхие заклепки легко отошли. Обросив меч и подтянувшись на руках, она вошла в образовавшееся отверстие и с облегчением вздохнула, увидев жгуты проводов, вьющиеся по стенам. В останках баркаса, которые они обследовали на Кориантуме, вертикальная шахта была совершенно пуста, из нее растащили все до последнего кусочка меди – а здесь Иница без особых усилий могла вскарабкаться наверх, цепляясь за кабели. Нужно было только внимательно следить, чтобы не коснуться разрывов в оплетке и оголенных проводов.

Вскоре она добралась до верхнего этажа и, протиснувшись между двумя трубами, вылезла из шахты. Техпалуба была ниже других этажей, с потолка свисали связки проводов. Иница заметила тут и там переливчатых мокриц, которые обычно питаются друг дружкой и изоляцией. «Они бы и меня не прочь сожрать», – с опаской подумала она, когда копошащиеся твари протянули к ней шупальца.

Вообще-то Гланис должен был встретить ее здесь, но она не видела его среди труб и кабелей.

Легкий шорох заставил ее насторожиться. Бросив взгляд назад, в шахту, она убедилась, что ее опасения обоснованы. Вверх карабкался паладин: должно быть, полез за ней в открытую решетку. Иница вскинула станнер, нажала на спуск и увидела, как солдат, которому откатали руки и ноги, рухнул вниз. Проехавшись по стене шахты, он вырвал из крепежей кабели, из которых посыпались снопы искр, и исчез в глубине закопченного ствола. Паладинам приказано обходиться с ней бережно – ведь она теперь собственность Божественной Императрицы, – но даже ее неприкосновенности есть предел.

Она торопливо отскочила от шахты и шмыгнула во тьму. Где же Гланис? Ведь они договаривались, что он будет ждать ее здесь, а его солдаты тем временем захватят одну из шлюпок.

Эти солдаты составляли ее лейб-гвардию; ее отец, барон Зеффрен, лично отобрал каждого. Все они, кроме Гланиса, были рекрутами, так как никто не сомневался, что ведьмы избавятся от них по пути на Тиаманду. Невесте Божественной Императрицы в конце путешествия не понадобится личная гвардия, и все же барон предстал бы в невыгодном свете, если бы отпустил единственную дочь без охраны. Поэтому людей он отбирал по двум критериям: помоложе да послабее – потеря невелика.

Исключение составлял Гланис – единственный доброволец, опытный капитан. Некоторое время назад он впал у барона в немилость и потому оказался идеальным кандидатом, чтобы возглавить обреченный на гибель отряд.

– Гланис?

Только мокрицы откликнулись, тихонько зашуршав панцирями. Инстинктивно Иница коснулась кольца на правой руке – единственного ее украшения. Поверхность была грубо обте-сана, словно ювелир бросил работу на полпути. Гланис дал ей кольцо незадолго до старта. Сам он носил почти такое же.

Иницу разлучили с ее гвардией раньше, чем она ожидала. Это была наглость, но как тут возразишь? Они с Гланисом предусмотрели и такую возможность.

– Я сделаю все, что смогу, чтобы освободить тебя, – сказал он перед вылетом. – Но если меня убьют, тебе придется выбирать самой.

Оба они понимали, что шансы Иницы на спасение в таком случае стремятся к нулю, так как на борту космобаркаса находится добрая сотня паладинов.

Во мраке перед ней что-то зашевелилось.

– Гланис?

Между переплетениями кабелей и труб замаячила человеческая фигура. Иница готова была к тому, что из темноты вот-вот покажется одноокий лик Сетембры. Мать Ордена отвечала за то, чтобы в целости и сохранности доставить Иницу на Тиаманду.

– Баронесса, – прошептал мужской голос. Вспыхнул крошечный фонарик, свет ударил ей в лицо.

Она вскинула станнер, но человек выбил у нее оружие, грубо схватил ее за предплечье и подтащил к себе. Она заехала ему свободной рукой по подбородку и угодила в гущу косичек. В косички, судя по всему, была заплетена борода длиной с ее ладонь.

– Баронесса, – повторил он резче, чем в первый раз. А затем, почти яростно: – Иница Талантис! А ну-ка тихо!

– Кто вы, черт бы вас побрал?

Он отбросил фонарик и перехватил ее вторую руку. Она качнулась вперед, выгнулась всем телом и хотела с силой оттолкнуть его, но он оказался слишком сильным и опытным противником. Ее захлестнула ненависть.

– Я не причиню тебе боли.

К гневу примешивался страх, что приводило ее в еще большую ярость.

– Где Гланис?

– Его здесь нет. И не жди, что он придет.

Она снова рванулась, на его изрезанные шрамами ладони упал свет, и она увидела на них кровь.

2

– Что вы с ним сделали?

Взвыла сирена, ее истошный вопль пробивался на техпалубу сквозь стальной пол.

– Где он? Что, к чер...

Он быстрым движением зажал ей рот.

– Потом.

Она забилась еще отчаяннее – тогда он весьма неласково швырнул ее лицом вниз и, коленом прижав к полу, заломил ей руки за спину.

– Я тебя свяжу и заткну рот, если не уймешься.

Больше всего ей хотелось пальнуть в него из станнера, но тот затерялся где-то во тьме. Зато прямо перед ней на полу обнаружилось его оружие – необычайно искусно сработанный бластер. В его задней части находился шарообразный магазин, заполненный энергокристаллами. Срединная часть состояла из изолированной катушки, которая на первый взгляд напоминала круглую гармошку. Ствол представлял собой не трубку, как у снарядного оружия, а два длинных рельса, сходящихся к дулу. Стоило нажать на спусковой крючок – и за долю секунды между рельсами скапливалась энергия, при выстреле превращавшаяся в лазерный стержень. В общем и целом, по конструкции его бластер ничем не отличался от традиционного энергетического оружия, которое носили как паладины, так и кориантумские гвардейцы. Но изящная резьба делала его настоящим произведением искусства. Черно-золотой корпус был испещрен символами. Резные узоры отблескивали в свете фонарика.

– Я знаю, что это, – прошептала она. Во дворце под стеклом хранилось подобное оружие, не столь великолепное, но тоже тонкой работы.

Ничего не ответив, незнакомец правой рукой схватил бластер, а левой поставил Иницу на ноги. В глаза ей снова бросились шрамы, избороздившие его руку; извернувшись, она все же заглянула ему в лицо.

– Это *вы*!

– Я, не я – какая разница, – буркнул он в седую бороду, которая и вправду оказалась заплетена во множество косичек.

Судя по внешности, он был приблизительно вдвое старше нее – около пятидесяти земных лет. Высокие, резко выступающие скулы, глубоко посаженные глаза, над ними покатый лоб, придававший ему сходство с первобытным человеком. На лоб падала тень капюшона из грубой

шерсти, приметанного к длинной матерчато-кожаной куртке, на которой всюду были нашиты карманы. Сзади на поясе висели ножны, из которых торчал меч; на гарде были вырезаны неизвестные Инице иероглифы. Обут он был в тяжелые военные сапоги с зазубренными стальными мысками, но куда более грозное впечатление производил его мрачный взгляд. Мгновение он смотрел на Иницу, словно пытался оценить ее, прежде чем потащить дальше, как упрямую скотину.

– Вы Кранит, – без выражения сказала она. – *Тот самый* Кранит.

Он промолчал.

– Последний оружейник Амуна!

Вот уже пара десятков лет как Амун превратился в безжизненную, выжженную землю, а каста оружейных мастеров прекратила свое существование. Лишь один из них, как гласили легенды, до сих пор скитается по галактике. Кранит был наемник, охотник за головами, один стоивший целой армии – но это была лишь малая часть того, что о нем рассказывали.

– Никогда о таком не слышал, – сказал он. Изо рта у него пахло панадским жевательным табаком.

– Вы убили бога Картана!

– Люди мелют всякую чушь. Закрой рот, – его изрезанные шрамами пальцы крепко стиснули ее руку повыше локтя. – Нас скоро обнаружат – к этому моменту мне хочется быть поближе к цели.

И он двинулся во тьму, волоча ее за собой.

Пробираясь среди кабелей и стальных балок, она то и дело косилась на него, но большую часть его лица скрывал капюшон. На армейских постоях и в тавернах поговаривали, что каждая косичка в его бороде означает систему, в которой ему грозит смертная казнь. И даже называли цифру – тринадцать: возможно, потому, что это число звучало зловеще. В действительности, похоже, их было гораздо больше.

– Кровь, – прошептала Иница, – чья она?..

– Не твоего милашки капитана, – отрезал он. Ее возмутило, что он так назвал Гланиса. – Я его и пальцем не тронул. По крайней мере, ни одной кости точно не сломал.

Она встала, как вкопанная.

– Я хочу знать, что стало с ним и с остальными.

– Шестеро солдатиков мертвы, – сказал он без тени сострадания. – Ведьма приказала казнить их, едва Кориантум скрылся из виду. Твой отец должен был это понимать. Зачем он вообще их к тебе приставил?..

Инице стало дурно.

– А Гланис?

– Он ждет нас.

Топорная ложь, лишь бы она прекратила сопротивляться.

– Где?

– Хватит меня допрашивать. Я здесь, чтобы освободить тебя. Больше тебе ничего знать не нужно.

– Я не нуждаюсь в вашей помощи.

Он пожал плечами.

– У меня есть поручение, я должен его выполнить. Остальное меня не интересует.

– Чье поручение?

– Барона.

– Моего *отца*? – она не верила ни единому его слову, хотя не похоже было, что он говорит неправду. Но хороший убийца может быть и недурным лжецом.

– А ну-ка хватит! – рявкнул он. – Надо двигаться дальше.

Она вновь украдкой коснулась кольца на пальце.

– Вы дадите мне слово, что Гланис жив?

– Когда я видел его в последний раз, он был вполне себе живой, – он так резко дернул ее за руку, что она едва не вскрикнула. – Если понадобится, я тебя и за волосы потащу.

Она перестала упираться и зашагала рядом с ним. Они не прошли и двадцати шагов, как вдруг он остановился, отпустил ее и открыл круглый люк в полу. Вой сирены стал на порядок громче.

– Теперь нам опять нужно вниз. Дорога малоприятная, но что делать.

Она хотела возразить, что шлюпки пришвартованы на уровне техпалубы, но стоило ей раскрыть рот, как он вскинул бластер и выпустил во мрак несколько лазерных стержней. Все вокруг озарилось красным светом. Раздались мужские крики: выстрелы рвали в клочья доспехи из бронепластика. Кто-то открыл ответный огонь. Мимо Иници пронесся, обдав жаром, потрескивающий сгусток энергии, лазерный стержень пробил трубу неподалеку от нее. Из пробоины повалил вонючий пар. Кранит нажал на курок, три, четыре раза подряд. Его световые заряды испепелили нескольких противников, словно бумажные мишени.

– Давай вниз! – крикнул он и указал на отверстие в полу.

Она прыгнула. Падать оказалось глубже, чем она ожидала. Приземлившись, она спружинила в коленях, но все равно ноги пронзила такая боль, что на миг ей показалось: больше она не сможет сделать ни шагу. Глаза слезились от пара, а лазерные стержни Кранита над ее головой прошивали горячие дорожки в искусственной атмосфере корабля.

Она и рада была бы сбежать от него, но приходилось признать, что без его помощи ей не обойтись. Она понятия не имела, каков его план, но если хотя бы малая толика мифов о нем правдива, то он знает, что делает. Впрочем, во всех этих славных историях ни словом не упоминался панадский жевательный табак. Этим табаком от него разило невыносимо, а она знала, что безрассудное поведение и склонность к риску – еще самые безобидные из его побочных эффектов. Кранит, последний оружейник Амуна, определенно знал лучшие времена – что до некоторой степени объясняло, почему он сейчас рискует жизнью, чтобы вызволить дочку мелкого баронишки из ведьминских лап.

– А ну брысь! – рявкнул он сверху и в следующий миг приземлился рядом, не так грациозно, как она, но с твердым намерением уцелеть. Выпрямившись, он снова пальнул в люк. Из взорвавшейся трубы закапала горячая жидкость. Иница молча смахнула жгучие капли.

Они стояли в узком коридоре. Из дыры в потолке доносились искаженные голоса палатин, на этом уровне тоже слышалось шарканье сапог. Из-за угла приближался взвод солдат.

Кранит выудил из глубокого кармана гранату размером с кулак, активировал запал и бросил ее в проход.

– В укрытие!

– В какое укрытие?

Взрыв сотряс целый сектор баркаса. Иницу отшвырнуло к стене и на секунду оглушило. Затем Кранит вновь схватил ее, протащил через переборку, потом через еще одну, и вот они уже в тамбуре перед шлюзовым отсеком. Кранит захлопнул за ними тяжелую дверь и выстрелил из бластера по электронному замку. Посыпался сноп искр, и выключатель сплавился в бесполезный кусок пластика.

– Это задержит их ровно на три минуты, – сказал он и нажал на свои старомодные наручные часы.

– Ровно на три минуты?

– По моему опыту, да, – он указал на скафандры, стоявшие в нишах у стены. – Приходилось надевать эту штуку?

– Вы же не всерьез хотите наружу, правда?

Она бросила взгляд в шлюзовую камеру, и ей стало страшно: всего один шаг отделял ее от того, чтобы короткий остаток жизни проболтаться в открытом космосе.

Кранит нажал на кнопку, и два скафандра выплыли из ниш.

– Хочешь быть свободной? – осведомился он.

– Без Гланиса – нет.

Он выругался себе под нос, и изо рта его так смачно пахнуло табаком, что Иницу затошнило.

– Давно вы жуете эту гадость?

– Дольше, чем ты живешь на свете, – он обеими руками обхватил ее за талию и, будто ребенка, впихнул в скафандр, грудь которого была расстегнута – так стремительно, что она задергалась, только когда ее ноги опустились в неуклюжие ботинки. – А теперь успокойся и доверься мне!

– Ага, как же! – язвительно отозвалась она.

Он надел шлем ей на голову, застежки сошлись автоматически.

– Но я никогда этого не делала!

– Научишься.

– От наемника-наркомана, который только и знает, как жевать табак?

– Никого лучше я здесь все равно не вижу, – он полез в другой скафандр, выругался, когда ножны на спине оттопырились, мешая ему, выдернул меч и бросил его на пол. Драгоценный бластер он прижал к животу, несмотря на то, что скафандр в этом месте опасно натянулся.

Лазерные выстрелы загрохотали по переборке. Кранит что-то показывал жестами; наконец Иница нашла, как включить радиосвязь. Через треск помех она услышала его голос.

– ...сорок секунд, – он как раз заканчивал фразу.

– Но мы же не можем полететь на Нурденмарку в скафандрах! – запротестовала она.

– Никто и не собирается.

Кранит повернул рычаг и протолкнул Иницу в громоздком скафандре через дверь в шлюзовую камеру.

– А как же...

– Твой капитан ждет нас.

– Вы лжете!

Переборка закрылась за ними. Кранит зацепил карабин за петлю на бедре Иницы – теперь скафандры были скреплены прочным тросом.

– Просто делай, что я скажу. Если, конечно, у тебя не возникнет идей получше. Но учти, идея получше – это только если она спасет тебе жизнь.

– Я никуда не пойду без Гланиса!

– А кто сказал, что мы пойдем? – осведомился он и открыл внешнюю переборку.

Ее выбросило в космос быстрее, чем она успела хоть что-то сообразить. Сердце стукнуло лишь раз, а она уже повисла на тросе, беспомощно размахивая руками, в то время как Кранит ухватился за поручень, приваренный к обшивке баркаса.

Паника загасила все остальное: и тревогу за Гланиса, и злость на самозваного спасителя. Она парила в космосе, держась только на тонком тросе. Целую бесконечную секунду ей казалось, что череп сейчас разлетится вдребезги, а тело вечно будет кочевать по галактике, скрытое забралом, заляпанным кровью и мозгами. Боль не имела физической причины, но что-то внутри нее, похоже, верило, что телесные страдания подхлестнут ее волю к жизни. Она подавила рвущийся из груди вопль и попыталась побороть свой страх.

Металлический поручень, за который крепко держался Кранит, давно проржавел, как и все на этом корабле; на месте вылетевших заклепок, некогда крепивших штангу к фюзеляжу, зияли дыры. Иница всю жизнь мечтала о космосе, но не о космических кораблях – ведь каждый знал, в каком состоянии находятся все баркасы, фрегаты и крейсера во владениях Ордена.

Однако кошмар межпланетного путешествия на ломаном-переломаном корабле был несравним с тем, что она испытывала сейчас. Она свободно парила в космосе, потеряв всякое

представление о верхе и низе. Кранит ревел по радию: «А ну-ка смирно!» – но ей сперва нужно было побороть панику, хоть немного успокоиться – только тогда она снова сможет контролировать собственное тело. Когда ей это наконец удалось, Кранит уже двигался вдоль поручня, цепляясь за него, и тянул ее на тросе за собой.

Из-за баркаса показалась Нурденмарка – невзрачный болотного цвета шарик, опоясанный кольцом из обломков породы, которое так плотно облегло планету, что казалось, оно касается ее поверхности. При кориантумском дворе мысль о том, как они с Гланисом спрячутся в грубом рудном мире, отдавала романтикой и удалством. Но теперь, когда она глядела на планету из космоса, жажда приключений и открытий стремительно покидала ее. Она почла бы за счастье, если бы ей удалось живой вновь оказаться на борту корабля. *Хоть какого-нибудь* корабля – включая баркас, с которого она только что сбежала.

И тут она опять увидела собор Ордена – нагромождение статуй, над которым, словно стальная луна, сияло лицо Божественной Императрицы. Пустые глаза, казалось, смотрели прямо на Иницу. Она сообразила, что космобаркас взял курс на открытый ангар – круглую дыру среди статуй, диаметром по меньшей мере километр. Через несколько минут собор поглотит баркас.

– Иница! – проревел Кранит.

Она не могла оторвать взор от расщелистого монстра, который так мало походил на обыкновенный корабль.

– Скоро мы окажемся у них.

– Именно поэтому мне нужно, чтобы ты как следует сосредоточилась!

– Это не имеет смысла. Нас все равно...

– Иница, – перебил он, – ты уже добралась досюда. Остальное – детская игра.

Умение успокаивать окружающих явно не было его сильной стороной.

– *Досюда?* Ой, какая радость! Я просто счастлива!

Ни в коем случае нельзя было думать о том, что разожми он руку – и ее унесет в открытый космос. Панорама мерцающих звезд, красотой которой она восхищалась, стоя у окна, теперь казалась ей разверстой пропастью, над которой она болталась, словно гусеница на шелковой ниточке.

– Посмотри направо, – сказал он. – Вдоль корабля.

Она с трудом оторвала зачарованный взор от собора. В каких-то пятидесяти метрах от них в нишах корпуса ждали своего часа три каплевидные шлюпки. Обычно в них попадали через шлюзы, расположенные внутри корабля.

– Вы же это не всерьез, правда?

– Аварийный люк левой шлюпки отперт, – невозмутимо сообщил он. – Мы сможем забраться в него снаружи. Это избавит нас от необходимости пробиваться через заслон из паладинов, которых наверняка уже выставили охранять шлюпки.

Забрало Иницы начало запотевать. Она не могла не отдать должное великолепной дерзости его плана. Кранит между тем двигался все дальше вдоль фюзеляжа. Большинство подобных кораблей поручни обвивали, словно кокон, так как во время полета без текущего ремонта было не обойтись.

– Вы уже не в первый раз это делаете, – убежденно сказала она, потихоньку подтягиваясь к нему с помощью троса. Их разделяло всего несколько метров, но невесомость затормаживала движения, будто все происходило в замедленной съемке.

– А когда, по-твоему, я успел отпереть люк шлюпки? Это можно было сделать, только пока мы летели на Кориантум. Космопорты кишат паладинами. Они бы меня сразу засекли.

– Так вы были на борту еще по пути *туда*?

– В том, чтобы летать зайцем, есть свои преимущества. Ты не оставляешь следов. Твоего появления никто не ожидает. И у тебя навалом времени, чтобы основательно подготовиться.

Действительно, что бы о нем ни рассказывали, собственный корабль никогда не упоминался. Может, конечно, Кранит изрядно все упрощал, но в данный момент ее куда больше занимали другие проблемы. Не погибнуть. Не сойти с ума от страха за Гланиса. Не блевануть в собственный шлем.

– Разве они не видят, что мы здесь делаем?

– Не видят, потому что кто-то повредил центральный пульт управления внешними камерами.

– Но они же поймут, куда мы делись.

В этот момент рука Кранита протянулась к коробку размером с кулак, который явно не так давно приделали к обшивке баркаса. Широкие пальцы его перчатки утопили единственную на коробке кнопку.

– Что...

Ответом ей была дрожь, пробежавшая по корпусу правой из трех шлюпок. Из сопел вырвались язычки пламени. Удерживавший шлюпку трос натянулся и распался, болты и заклепки полетели в космос. Шлюпка вышла из ниши, набрала скорость и полетела в направлении Нурденмарки.

– Надеюсь, они поверят, что мы в этой шлюпке, – сказал Кранит. – Это даст нам еще пару минут форы.

Одно из орудий величиной с целое здание, расположенных по корпусу баркаса, ожило: раздвоенная пушка развернулась вслед удаляющейся шлюпке. Из дул вырвались два сверкающих энергетических стержня: капитан баркаса сделал предупредительный выстрел, снаряд разорвался перед носом крошечного суденышка. Но то ни на градус не отклонилось от курса.

– Я поколдовал над пусковой автоматикой, но не могу управлять шлюпкой, – Кранит преодолел последние метры до оставшихся шлюпок. – В лучшем случае они решат, что пилоту надоело жить.

Иница наконец подобралась к стене баркаса и схватилась за поручень. Лазерная пушка снова выстрелила из обоих дул. На этот раз один из световых стержней величиной с человека задел двигатель шлюпки. Ее здорово трянуло, но вскоре она вернулась на прежний курс.

– У них чертовски меткие стрелки, – сказала Иница. Через пару минут она, наверное, сможет на собственной шкуре испытать, каково это – сидеть внутри подобной мишени.

– Не беда, – отозвался Кранит, добравшийся наконец до аварийного люка.

– Мы заберемся в шлюпку, но не полетим?

Он откинул круглый люк. В узком шлюзе двое поместились бы с большим трудом.

Тем временем ворота соборного ангара неумолимо приближались. Иница различала все больше деталей на громадных статуях, высившихся по обеим сторонам круглого отверстия. Гордые лица, вскинутые кулаки, воинственные позы.

Как только Кранит залез в шлюз, Иница молниеносным движением отцепила карабин, которым конец троса крепился к его скафандру. Теперь она держалась за баркас только своей собственной рукой.

Кранит с трудом развернулся в тесном шлюзе.

– Ты что творишь?

Она слышала нетерпение в его голосе, но лица в шлеме почти не видела.

– Скажите мне, что с Гланисом.

Он попытался приблизиться к ней, но Иница тут же отпустила поручень – сердце екнуло, – отлетела на метр назад вдоль корпуса и снова вцепилась в ржавую штангу.

– Здесь вы мне руки за спину не заломите. За волосы потащить тоже не получится. Где он?

– Ждет нас в шлюпке.

– Уловка, чтобы заманить меня в эту штуковину. Кто-то посулил вам денег за мое освобождение. На Гланиса вам плевать.

– Эх, жаль, что я не заткнул тебе рот раньше, когда у меня был такой шанс.

– Об упущенных возможностях поплачете в другой раз. Что будем делать сейчас?

Он вылез из шлюза и теперь находился на расстоянии вытянутой руки. Но все в ней восставало против того, чтобы вновь отпустить поручень. Он не из тех людей, которых можно дважды напугать таким фокусом.

Орудие за ее спиной дало очередной залп. В ярком свете лазера она увидела искаженное гневом лицо оружейника.

– Больше они на эту удочку не попадутся, – сказал он с ледяной ноткой в голосе. – И будут поджидать нас внутри. Меня пристрелят, а тебя отконвоируют на Тиаманду.

– Похоже, я в более выгодном положении.

– Ты ведь понятия не имеешь, зачем нужна им, не так ли?

– Всяко лучше, чем сразу умереть.

– Нет, – отрезал он, – не лучше.

Холодок пробежал у нее по спине. Она знала не хуже него, что время на исходе.

– Гланис, – повторила она.

Кранит помедлил мгновение, потом ответил:

– Мертв. Как и все остальные.

Казалось, холод космоса проник в ее скафандр.

– Его убили вы?

– Нет.

На этот раз она ему поверила. Возможно, потому, что этот мерзавец был ее единственным шансом.

– Оглянись, и увидишь, что я говорю правду, – его гнев, похоже, улегся, или он очень хорошо контролировал свой голос. – Они как раз выбросили трупы через шлюз.

Она подумала, что он морочит ей голову. Но все же сделала четверть оборота и бросила взгляд в том направлении, куда он указывал.

Над изгибом фюзеляжа, словно стайка невиданных рыб, парили несколько тел: юноши в форме кориантумской гвардии. На их лицах застыло страдание. Еще когда они все вместе поднимались на борт, Иница видела в их глазах страх, видела уверенность, что они не вернутся из этого рейса. И все же ни один не воспротивился приказу ее отца. Все они хладнокровно пошли на смерть из-за нее.

Ее тело обмякло, взгляд затуманился – и она отпустила поручень, чтобы последовать за Гланисом и остальными.

Кранит сгреб ее в охапку. И без труда потащил к люку.

Слезы застилали ей глаза, теснота скафандра сделалась невыносимой. Кранит впихнул ее в шлюз головой вперед, грубо затолкал вслед за туловищем ноги и затем проскользнул сам. Люк закрылся. В следующий миг закрутились сигнальные огоньки, давление выровнялось, и у Иницы зашумело в ушах.

Она сделала несколько неверных шагов и ввалилась в кабину шлюпки. Забрало полностью запотело, и она лихорадочно ощупывала шлем, пытаясь найти, как он открывается. Наконец раздалось шипение, она снова смогла дышать и горящими глазами вгляделась в полумрак, в котором слабо мерцали приборы.

Там их кто-то ждал.

3

Кранит проклинал тот миг, когда вызвался освободить девчонку. И уже в который раз зарекался прикасаться к панадскому жевательному табаку, когда нужно будет принимать решение, браться за очередное поручение или нет.

Парнишка в углу как раз освободился от веревок, когда Кранит втолкнул свою строптивую добычу из шлюза в кабину. Очевидно, Кранит недооценил не только своенравие девчонки, но и способности кориантумского капитана. Он связал Гланиса по рукам и ногам, прежде чем швырнуть его в шлюпку, но тот умудрился выпутаться из всех узлов. Кранита взяло опасение, что теперь драться придется не только с девчонкой, но и с ее любовником. Второй раз за день.

У Гланиса были длинные каштановые волосы, на затылке собранные в хвост, и аккуратно подстриженная борода. Одет он был в кожаную форму кориантумской гвардии: длинная куртка землистого цвета с неброскими знаками отличия, узкие штаны и сапоги. Глаза – тревожного светло-голубого оттенка, очень серьезные, почти колючие. Он был слишком хорош собой, чтобы Кранит воспринял его как серьезного противника. Собственная беспечность чуть не довела оружейника до беды, когда он попытался заставить Гланиса покинуть камеру, где оставались шестеро его солдат. Мальчишка дал весьма достойный отпор. В конце концов Кранит врезал ему так, что тот потерял сознание, и отнес парнишку в шлюпку, но схватка с ним отняла много времени – и пока он провозился, баронесса попыталась сбежать самостоятельно.

Иница сняла шлем, но никак не могла подняться на ноги в громоздком скафандре и поползла к Гланису на четвереньках. Он как раз стряхнул последние веревки и бросился ей навстречу поперек тесной кабины. Они обнялись и разом заговорили – все то, что влюбленные говорят в подобные минуты, – а Кранит тем временем раздумывал, не отвесить ли им по подзатыльнику, чтобы они утихомирились и не мешали ему осуществлять финальную часть плана.

Еще собирая сведения на Кориантуме, он заподозрил, что между ними есть тайная связь – и вскоре убедился в своей правоте. Поневоле он задался вопросом, почему отец девчонки отрядил капитана в смертельный рейс – в силу этого обстоятельства или вопреки ему. Но чем больше он узнавал о положении дел при кориантумском дворе, тем вероятнее ему казался третий вариант: барон Зеффрен действительно не имел ни малейшего понятия, какого рода отношения связывают Иницу с Гланисом.

Зеффрен был глупец, к тому же подверженный приступам меланхолии, и давно утратил всякое чувство реальности. Подданные судачили, что за все время своего правления он

улыбнулся на публике аж три раза, а просителей к нему пускали, только если те одеты в черное. Большую часть времени барон проводил в мавзолее своих старших братьев – Фаэля и Хадрата, – в часовне без окон, куда не имел доступа никто, кроме него. Там Зеффрен горевал о братьях, а точнее сказать, клял их на чем свет стоит, потому что теперь ему приходилось нести монаршее бремя.

При этом Хадрат пребывал в добром здравии, да и Фаэль, перворожденный из трех братьев, был жив. Семнадцать лет назад Фаэль покинул Кориантум: во главе баронийского флота он отправился в поход против самых опасных пиратов в Марках – против банды, которая вот уже несколько десятков лет промышляла на путях снабжения, связывавших Баронии с Империей. Корабли баронов стерли в порошок, а Фаэль Талантис исчез. Прошли годы, прежде чем он объявился вновь – теперь уже в качестве *главаря* пиратов.

Его младший брат Хадрат тоже принимал участие в злосчастном походе, но его корабль попал в первую же засаду и был уничтожен. Хадрат в скафандре несколько дней провел в открытом космосе, где его стали посещать видения. Когда его наконец подобрал корабль Рудной Гильдии, от юнца, покидавшего Кориантум, не осталось и следа – Хадрат стал другим человеком. Он превратился в фанатика, в ярого приверженца культа ТИШИНЫ. Поговаривали, что там, в космосе, он лишился рассудка. Кавдорский дом, заправлявший Рудной Гильдией и также поклонявшийся ТИШИНЕ, придерживался иной точки зрения: когда Хадрата Талантиса привезли в родной мир Кавдоров, отцы семейства уверовали в пророческий смысл его видений. Не прошло и нескольких лет, как Хадрат возвысился до одного из командиров Гильдии, блюстителя порядка в Марках. К его влиянию на Кавдорский дом относились по-разному, и многие утверждали, что именно он, точно искусный кукловод, стоит за многими решениями, определявшими судьбу Рудной Гильдии и Марок. Он так и не простил Фаэлю, что тот бросил его в неудачном походе. Его ненависть к брату была так велика, что он не щадил никого и ничего, стремясь выведать, где находится тайное убежище пиратов. Однако его старания по сей день не увенчались успехом.

Пока двое старших братьев воевали в Марках, дома, на Кориантуме, престол перешел к самому младшему – Зеффрену Талантису, отцу Иници. Он был слабым правителем, и государственные дела давались ему так же плохо, как воспитание единственной дочери.

Впрочем, подумал Кранит, грех упрекать человека – стоит только посмотреть на эту фурию.

– Гад, сволочь! – крикнула она через плечо, силясь выпутаться из скафандра и преграждая дорогу Гланису, у которого явно руки чесались ударить Кранита. Вконец запутавшись в скафандре, она потеряла равновесие и выругалась не хуже матерого копателя. Ни безволия, ни склонности отца к меланхолии она явно не унаследовала.

Не прошло и минуты, как Кранит и Иница ступили на борт шлюпки, а оружейник уже снял скафандр привычными движениями человека, который проделывал это тысячу раз. Гланис бросился к нему, сжав кулаки, но он тут же вскинул бластер.

– Ни с места, – сказал Кранит, пристраивая палец на курок. – Не забывай: мне нужна только она. Ты – нет.

Гланис смотрел на него с яростью, а Иница за его спиной стряхивала с ног толстые штанины скафандра. Наконец освободившись, она со злобой пнула неуклюжий эласт – наверно, представила себе, что это лицо Кранита.

– Зачем же ты вообще меня сюда притащил? – осведомился Гланис.

– Не время для объяснений, мальчик. Мы торопимся.

Кранит указал на кресло пилота, придвинутое к полукруглой приборной панели. Из трехчастного окна кабины уже ничего не было видно, кроме собора и зияющей пасти ангара. Лес статуй казался пирамидой из людей, с которой постепенно отшелушивался мрак космоса.

– Не пытайся помешать мне, когда я сяду за штурвал. Если мы потеряем еще немного времени, нам даже не придется убивать друг друга – за нас это с радостью сделают другие.

– Я и сам могу управ...

– Гланис, нет! – перебила его Иница. – Он хоть и мерзавец, но знает, что делает.

И после короткой паузы добавила:

– И он спас тебе жизнь.

Лицо Гланиса потемнело.

– Я видел ребят, – сказал он, бросив взгляд в окно кабины. Должно быть, трупы проплывали и мимо шлюпки. – Пока я здесь валялся, паладины их всех перебили. Я должен был им помочь. Я должен был...

– И сейчас болтался бы там вместе с ними, – прервал его Кранит. – А твоя подружка осталась бы один на один со мной. Кому бы от этого стало легче?

– Он прав, – Иница обеими руками обхватила правый кулак Гланиса и мягко разжала его пальцы. – Пусть делает то, ради чего сюда явился.

Тень сомнения промелькнула в ясно-голубом взгляде Гланиса. Не обращая на него внимания, Кранит плюхнулся в кресло пилота. Положив бластер на колени, он принялся двигать рычаги и переключатели на приборной панели. Ряды цифр лихорадочно замелькали над датчиками. Кранит начал расстыковку шлюпки и баркаса, и огоньков зажглось еще больше.

– Надо стартовать как можно скорее! – воскликнул Гланис. Он встал за правым плечом Кранита, Иница – за левым. В кабине было еще два кресла, но оба предпочли стоять.

– Пока рано.

Сейчас они легко могли напасть на него со спины, но Кранит рассчитывал, что им хватит ума не идти на такой риск. Им не удастся вытащить его из кресла достаточно быстро, чтобы вовремя перехватить штурвал. К тому же он сказал чистую правду: ему нужна только баронесса. Взяв с собой еще и Гланиса, он, возможно, совершил ошибку, и у него не дрогнет рука ее исправить, если капитан попытается сорвать все дело.

Но пока что мальчишка беспокоил его меньше всего.

В окно уже не было видно ничего, кроме ворот ангара. Створки титанической переборки разъехались в стороны медленно и тяжело, словно континентальные плиты, и открыли взору огромный зал, который вместил бы добрую сотню космобаркасов. Ангар зиял перед ними, словно гигантская труба, круглая в разрезе, глубиной в несколько километров. Ее бороздчатая поверхность напоминала полый ствол дерева – с той только разницей, что все шероховатости на самом деле были стальными конструкциями. Изогнутые стены ангара перерезали правильные окружности огней, светивших из крошечных люков и окошек. В их сиянии парили десятки кораблей – крейсеров, тяжелых разрушителей и транспортников, – от которых к стенам трубы тянулись тонкие трапы.

Гланис выругался и попытался вырвать у Кранита рычаг управления.

– Нужно делать ноги, пока эта хреновина нас не проглотила!

Кранит оттолкнул его.

– Рано. Еще один такой фортель, парень, и я тебя прикончу.

Он поправил бластер, лежавший на коленях; ему хватило бы секунды, чтобы снести Гланису голову с плеч. Не самое приятное развитие событий, но если окажется, что без этого не обойтись...

– Что все это значит? – осведомилась Иница – скорее с разочарованием, чем с отчаянием. – Если мы окажемся внутри, наружу нам не выбраться.

– Нужно просто дождаться правильного момента.

– Это безумие! – крикнул Гланис.

Кранит перегнулся через приборную панель и взглянул вверх через скошенное окно.

– Они отправили вслед первой шлюпке перехватчики. Все еще верят, что мы в ней.

Перехватчики – истребители-однопилотники, базировавшиеся в соборах, – напоминали каких-то кованых неуклюжих тварей, жуков, скрещенных с кошкой в прыжке. Они были меньше овальной стальной личинки, где засели трое беглецов, но спереди у них имелись две вытянутые руки, которые создавали магнитное поле, позволявшее ловить добычу на лету.

Кранит углядел с полдюжины перехватчиков, вылетевших в космос на плазменных струях. В кабине не было оборудования, которое позволило бы рассчитать их траекторию, но он полагал, что они собираются перехватить шлюпку как раз над атмосферой Нурденмарки. И с удовлетворением подумал, что его план, таким образом, тоже идет по намеченному маршруту.

Космобаркас прополз через ворота ангара. Кранит заметил, что Иница совсем притихла. Возможно, причиной тому был шок, а возможно, внутренняя мощь, о которой он не подозревал. В вакууме она держалась молодцом, однако сейчас в счет шла сила не столько телесная, сколько духовная.

Гланис сделал глубокий вдох.

– Если бы мы к этому времени уже стартовали, – пробормотал он, – нас бы засекли перехватчики, так?

Кранит кивнул.

– Там, снаружи, у нас против них нет ни единого шанса. Рано или поздно нам придется как-то от них избавляться, но в открытом космосе это дохлый номер.

– Объясни, что ты придумал, – потребовала Иница.

– В ангар мы зайдем вместе с баркасом, – Кранит сжал рычаг штурвала чуть крепче. – А из ангара выйдем сами по себе – когда никто не будет этого ждать.

– А как же перехватчики?

– Надеюсь, у меня получится от них отделаться.

– Ты же только что сказал...

– Не в космосе. Есть другой путь.

Вокруг них по стенам ангара бежали световые полосы, звездой сходящиеся где-то в глубине могучей трубы. Собор поглотил их. Искусственная атмосфера завибрировала: ворота закрывались.

– Держитесь крепче! – крикнул Кранит.

Расстыковка швырнула Иницу и Гланиса в кресла, перед которыми они стояли, двигатель взвыл, сопла взвизгнули, и шлюпка пришла в движение.

4

Когда оружейник круто вывернул штурвал, Иницу выбросило из кресла прямо на Гла-ниса. Он не растерялся и подхватил ее, но то мимолетное движение губ, которое в беглом свете пронесшихся мимо огней она приняла за скупую улыбку, могло обозначать и тревогу. Он был напряжен не меньше, чем она. Она торопливо юркнула обратно на свое место и пристегнулась.

Кранит исторг вопль, от которого в иной ситуации у нее бы кровь застыла в жилах. Но сейчас он ее скорее обнадежил: ведь боевой клич оружейника означает, что он уверен в победе. По крайней мере, нечто подобное она читала в старинном героическом эпосе, повествовавшем о временах задолго до падения Амуна. Ей очень хотелось верить, что Кранит – действительно тот, за кого она его принимает; кстати говоря, ведь это *она* назвала его Кранитом, он ей не представлялся... А много ли значат имя и бластер? И то, и другое можно украсть.

Следующий вираж пришелся ей словно удар под дых. Двигатели взревели, и шлюпка заложила крутую дугу. В ангаре собора, среди множества кораблей, такой маневр был более чем рискованным. Шлюпка закрипела, давление на миг подскочило и ударило по ушам. Затем они снова выровнялись и на безумной скорости помчались к воротам.

Между двумя створками переборки зияла узкая щель. Слишком узкая для шлюпки – если только...

Кранит рванул штурвал, треснул кулаком по красной кнопке и прорычал что-то вроде предостережения. Шлюпка завалилась на девяносто градусов вбок и, проскользнув между мощными стальными пластинами, вырвалась наружу, в космос.

– А вот сейчас станет *по-настоящему* интересно, – донесли до Иницы слова оружейника, когда рев моторов на миг поутих и Кранит пошел на разворот. Металлическая оболочка шлюпки, казалось, застонала, когда курс в очередной раз резко сменился, и Иница на секунду потеряла всякое представление о том, в какую сторону они летят. В космосе трудно ориентироваться, полагаясь только на зрение, особенно на такой скорости, но сейчас на несколько бесконечных мгновений размылись даже статуи собора и планета Нурденмарка – единственные ориентиры, которые время от времени показывались в окне кабины.

Гланис сжал ее руку, лежащую на подлокотнике, словно это могло ее успокоить, и она увидела, что теперь он действительно улыбается – даже ободряюще. Она любила эту его черту: он никогда не утрачивал оптимизма – даже когда ее выбрали невестой Божественной Императрицы, даже когда он поднимался на борт космобаркаса, даже теперь, когда Кранит шел само-

убийственным курсом – не в космическую даль, а в джунгли изваяний, которыми густо зарос собор.

– Что ты творишь? – крикнула она, когда звезды за окном исчезли и впереди разверзлось ущелье между статуями.

– Пытаюсь отвязаться от них. Вы же этого хотели!

– Среди статуй?

– Конечно! Это же целый лабиринт. Все такое тесное, кривое и косое, что поверхность толком не просматривается.

«А он неплохо знаком с орденскими кораблями», – подумала она.

– Но мы же не можем спрятаться от них *внутри* их корабля, – возразил Гланис.

– Пока только снаружи, – Кранит двинул штурвал вперед, опрокинув шлюпку в крутое пике. Головы и плечи стальных гигантов пронеслись мимо и остались где-то наверху, а шлюпка окунулась во тьму, клубящуюся среди их километровых подножий.

Иница покосилась на Гланиса.

– Он правда летит без приборов? На глаз? В темноте?

Гланис закусил губу. И даже пожал плечами, показывая, что примирился с судьбой, – но тут шлюпку затрясло, словно они попали в аэродинамическую трубу. Кранит крепче вцепился в штурвал.

– Мне нужны еще одни руки!

Гланис вскочил, усадил Иницу обратно в кресло и протиснулся к Краниту. Чуть присев, он мог дотянуться до большинства переключателей, кнопок и рычагов. Правда, он изрядно стеснял движения Кранита, но только так шлюпкой можно было управлять вдвоем.

Свет звезд над головой померк, шлюпку обступили, словно отвесные стены, исполинские плоскости доспехов и мускулистых ног, изъеденные столкновениями с бесчисленными космическими частицами. Различить можно было лишь смутные очертания – так стремительно Кранит лавировал между стальными монстрами. Поначалу он еще давал Гланису указания, но вскоре понял, что второй пилот, не по доброй воле занявший эту должность, знает, что делать.

Со времен рокового похода Фаэля против пиратов в кориантумских войсках осталось всего несколько разрушителей и дюжины две судов поменьше, однако обращению с ними гвардию тщательно обучали. Гланис не раз тайком возил Иницу в северные леса или на болота, где гнили руины кораблей, и преподавал ей ряд ценных навыков. В случае необходимости она вполне могла сама управиться с бортовыми приборами.

Оборудована шлюпка была по-спартански: набор датчиков и всего один монитор, на котором мерцали цепочки символов и цифр – координаты полета. Их то и дело сменяли рекомендации развернуться и сменить курс, но Кранит игнорировал советы компьютера. Один раз в динамиках затрещало, и женский голос выплюнул невнятные обрывки слов. Гланис отключил радиосвязь, и кабину снова заполнил лишь шум турбин и пугающий скрип сварных швов и заклепок.

Мрак металлического каньона, образованного постаментами, то и дело озаряли вспышки призрачного красного света, словно за некоторыми изваяниями горели костры. И хотя в вакууме это было невозможно, иллюзия впечатляла. Лишь через некоторое время Иница сообщила, что это освещение, установленное рабочими, которые ремонтируют статуи; а мигают огоньки потому, что их то и дело заслоняют снующие туда-сюда черные силуэты.

– У нас есть цель или что-то вроде того? – осведомилась она, когда корабль заложил очередной вираж.

Кранит молча кивнул.

– И?

– Нас ждут.

– Кто?

Гланис мрачно покосился на Кранита.

– Союзник, – ответил оружейник.

Гланис заорал:

– Перехватчики! У нас на хвосте!

Конечно, это был лишь вопрос времени – когда их обнаружат. Про их побег из ангара в считанные секунды доложили на командный мостик, и Сетембра наверняка уже перебралась с баркаса на борт космической крепости. Матушка Ордена лично будет руководить охотой на Иницу. Напав на след, перехватчики на бешеной скорости понеслись по лабиринту между статуями.

– Сколько? – уточнил Кранит.

– Четыре, – Гланис бросил взгляд на монитор и поправился: – Пять.

Оружейник ткнул пальцем в окно. Сверху в темноту спускались еще пять огоньков, явно нацеливаясь перерезать им путь.

– Десять, – прошипел он и рванул ручку штурвала вправо. Шлюпка по дуге прошла между двумя исполинскими ногами, слегка задев колено. Раздался оглушительный грохот, на лобовое стекло брызнули потоки бело-голубых искр. Кранит прибавил тяги и нырнул глубже во тьму. Иницу бросило вперед и тут же снова вдавило в кресло.

– У нас случайно нет орудий? – поинтересовался Гланис.

– Нам уже много раз везло, парень. Но не настолько же.

Иница наклонилась вперед.

– Нам понадобится еще много везения, чтобы выжить.

– Не беспокойся, тебя они не убьют, – сказал Кранит.

– Они – нет.

– Положись на меня. Я знаю путь.

– Но почему-то все время меняешь курс!

– Я знаю много путей.

В природе не существовало двух одинаковых соборов: статуи всюду стояли по-разному. Даже если Кранит уже устраивал подобные сумасшедшие гонки на другой крепости Ордена, здесь ему это не поможет. Они до сих пор живы лишь благодаря его мгновенной реакции – этого Иница не могла не признать. Но тут на нее вновь пахнуло жевательным табаком, и она задалась вопросом, в какой мере его отвага порождена этой чертовой травой.

Перед самым носом шлюпки вспыхнул и потух лазерный стержень – весьма меткий предупредительный выстрел. Нити света одна за другой пронзали вечную ночь у подножия статуй, и в их сполохах Иница вдруг заметила нечто такое, чего здесь вообще не должно быть.

Целая охапка шупальцев взметнулась со дна ущелья – их было не меньше дюжины, самые большие достигали метров сто в длину. Они извивались подобно водорослям, и когда очередной предупредительный залп прорезал тьму, Иница увидела изборожденную шрамами серую кожу существа, притаившегося внизу. Очевидно, оно уже не в первый раз попадало под обстрел.

– Космический выюн, – буркнул Кранит, в очередной раз выворачивая штурвал.

– Я думала, их не существует, – пробормотала Иница.

– Скажи это нашему новому приятелю.

Космический выюн, кажется, был твердо намерен убедить их в своем существовании: одно из шупальцев треснуло по стеклу кабины. Они клюнули носом и чуть было не рухнули в колышущийся хаос на дне, но Кранит неимоверным усилием выровнял шлюпку. Издав яростный вопль, он принялся вилять то вправо, то влево, так стремительно меняя направление, что Иница едва могла уследить за движением штурвала. Наконец выюн остался позади, и они помчались дальше по дну стального лабиринта.

– Настырные твари, – пробурчал Кранит. – Хорошо, что они не терпят рядом собратьев по виду. Скорее всего, второго такого мы здесь не встретим.

Во рту у Иници пересохло, язык и нёбо горели. Она на мгновение прикрыла глаза, пытаясь отогнать образ многорукого чудовища, которое жило там, где жить невозможно.

– Дома у нас считалось, что это вымышленные существа, – прошептала она.

– Про меня ты думала то же самое, верно?

– Как же они выживают в космосе?

– Они не опасны, если их не пугать. Они живут в космосе миллионы лет, приспособились и к холоду, и ко всему прочему. Каждые сто лет они сжирают одно из собственных щупалец.

Гланис изучал колонки цифр на мониторе.

– Два перехватчика по-прежнему у нас на хвосте. Но ведь эта скотина не могла уничтожить восьмерых, правда?

– Очень маловероятно.

Иница указала через лобовое стекло вверх.

– Вон они. Еще трое.

То поддавая тяги, то притормаживая, Кранит дикими зигзагами петлял между статуями. При этом он ловко уворачивался от могучих телес, которые внезапно выныривали из темноты, словно титаны сходили с подножий, чтобы преградить им путь.

Иница нагнулась вперед.

– Скоро они додумаются уйти в гиперпространство? Мы настолько близко, что нас просто унесет вместе с ними.

Маневры Кранита становились все рискованнее, казалось, он с головой ушел в эту опасную игру.

– Им понадобится время, чтобы запустить гиперпривод. По моим оценкам, еще пара минут.

– А где же твои союзники?

– По ту сторону собора.

– Но мы просто не успеем облететь весь корабль...

– Мы и не будем его облетать, – перебил оружейник. – Мы пролетим насквозь.

– Что за бред! – воскликнул Гланис. – Мы не можем просто так пролететь через *собор*!

– Как я уже говорил, нужно просто знать правильный путь.

И тут Иница поняла, на что он намекает. Расположения статуй он, конечно, знать не мог – но мог знать древний тип судна, на котором они разрослись, словно коралловые рифы. Гигантские корабли, погребенные под изваяниями, не менялись тысячу лет.

– Тебе известно, что находится под всем этим великолепием? И как оно устроено?

Губы Кранита скривились в ухмылку.

– Поверь, какое место ни возьми – я там уже бывал.

Да, в посвященных ему легендах так и говорилось. Но одно дело – слушать их, будто детскую сказку, и совсем другое – сидеть позади деда, который постоянно жует табак и сам про себя рассказывает эти дивные вещи.

– Держитесь! – крикнул он, задрал нос корабля, взмыл ввысь вдоль исполинского нагрудного доспеха, заложил дугу над плечом и круто нырнул вниз. Казалось, шлюпка вот-вот разобьется, врезавшись в пол... но пола больше *не было*. Было отверстие, в которое Кранит и направил шлюпку. Когда они подлетели к самому устью глубокой шахты, на ее стенах вспыхнули лампы, словно звериные глаза в ночи.

– Охладительный колодец, – сказал он. – Их тут много.

– А что они, пардон, охлаждают? – осведомился Гланис. – Соборы ведь движутся не за счет тяги, а за счет...

– За счет тотемов? – перебил Кранит. – Ты правда в это веришь, парень? Что корабли ведьм летают благодаря магии?

– Нам всегда так говорили, – заступилась за Гланиса Иница.

Считалось, что в сердце каждого собора заключен тотем – не поддающееся описанию создание, сообщающее ведьмам часть своей силы. Тотемы якобы состоят в загадочной связи с черной дырой Камастракой – космической сущностью, которую Орден почитает и в честь которой получил свое название.

Миллионы лет назад внешнего рукава галактической спирали коснулась карликовая галактика, в центре которой вращалась, словно водоворот, черная дыра. При этом столкновении в воронку засосало множество миров – целый шлейф из солнц, которые Камастрака потянула за собой. По сей день в Барониях и Марках на ночном небе можно увидеть рваную ленту звезд, раскинувшуюся где-то далеко-далеко во Вселенной. Катаракта. Царство Иконокласта.

– Все это ерунда, – отрезал Кранит. – Магия, волшебство... лишь бы лапшу на уши повесить.

– Но ведьмы-то существуют, – возразила Иница.

Оружейник презрительно улыбнулся.

– Чокнутые бабы, которые поклоняются космическому чудищу. К магии все это имеет такое же отношение, как фокусы в цирке, – он говорил громко, резко и – Иница почувствовала – не совсем искренне. Скорее всего, он просто пытался успокоить их перед тем, как они окажутся в непосредственной близости от тотема.

Тут вмешался Гланис:

– Глубоко сожалею, что мне приходится прерывать ваш теологический диспут, но кого-нибудь интересует, что перехватчики летят за нами по шахте?

– Когда мы доберемся до тотемной зоны, они повернут назад.

– Только что ты сказал...

– Дело не в том, во что верю я, а в том, во что верят *они*. У наших приятелей на перехватчиках поджилки затрясутся от страха, когда мы вторгнемся в святая святых собора.

За штурвалом перехватчиков ведьм не было: женщины, принадлежащие к Ордену, никогда бы не рискнули сесть в подобные машины. Как правило, пилотами становились мужчины, которые поступали на службу к Ордену под сильным пропагандистским давлением и за хорошую плату. В полете каждый из них состоял в духовной связи с ведьмой, находившейся на борту собора: она диктовала ему свою волю и передавала важнейшие сведения. Пилотов заменить легко – в отличие от ведьм. Поэтому те, кто летал на перехватчиках, рисковали головой, а их судьбу решали «напарницы» внутри собора.

Тотемная зона.

У Иницы мороз по коже пошел при мысли о том, чего она и представить-то толком не могла. Подобные противоречия и создавали вокруг Ордена тот ореол загадочности, который позволял ему властвовать над бесчисленными мирами Империи. После математически выверенной бойни, устроенной машинами, выжившие, вероятно, видели в темной религии Ордена какой-то высший смысл, приобщение к загадкам, рождающимся по ту сторону звезд, – словом, полную противоположность убийственным алгоритмам Властелина Машин. Вера в силы, для человека не постижимые, пережила второе рождение, и по сей день, хотя прошла уже тысяча лет, ведьмы по-прежнему повелевали Империей, ревностно оберегая тайны, которыми они окружили и черную дыру Камастраку, и зловещую угрозу, исходящую из Катаракты.

Тотемы в сердце соборов были лишь камушком в мозаике мифов, которые позволяли ведьмам удерживать власть, а Божественной Императрице – трон. На Кориантуме эти мифы тоже не подвергались сомнению – по крайней мере, официально. Находясь за пределами Империи, Внешние Баронии, однако, являлись протекторатом Ордена – считалось, что он защищает их от возвращения Иконокласта, существование которого, впрочем, ничем не подтверждалось.

Кто он такой, *что* он такое – на эти вопросы никто не знал ответа. Говорили: древний враг, некогда человек, впоследствии – нечто иное.

– Они по-прежнему летят за нами, – сказал Гланис.

Шлюпка неслась по шахте, Кранит обеими руками сжимал ручку штурвала. Шахта была абсолютно прямая, но меняла форму: то круглая, то шестиугольная, то гладкая, то иссеченная трубами и кабелями, напоминавшими сосуды на анатомических рисунках.

– Они приближаются, – голос Гланиса не выдавал его тревоги, но Иница ее чувствовала. – Им даже не придется нас сбивать. Достаточно просто догнать и схватить.

– Включи-ка радио.

Кабину наполнил женский голос, выкрикивающий предостережения и угрозы. Но Кранит лишь кивнул и велел Гланису выключить динамик. Иница облегченно вздохнула, когда в кабине вновь воцарилась обманчивая тишина.

Вдруг раздался металлический скрежет. Один из перехватчиков нагнал их и выбросил вперед стальные клешни. Если он их поймает, его мощных двигателей хватит, чтобы принудить их сменить курс.

Кранит принялся лихорадочно вилять, накрывая шлюпку то вправо, то влево, мечась от одной стены тоннеля к другой. Один раз перехватчик приблизился к ним вплотную: Инице показалось, что некая сверхъестественная сила вдруг потянула кольцо на ее пальце в сторону кормы. Вероятно, это было следствие магнетического воздействия, которому подверглась шлюпка – а может, ей все только почудилось.

– Еще чуть глубже! – ожесточенно прорычал Кранит. – Тогда они отвяжутся сами собой!

– Ты правда уже бывал в тотемной зоне собора? – поинтересовалась Иница.

– Да.

Однажды он уже соврал ей, лишь бы успокоить. Возможно, стоит просто положиться на его летные навыки и не задавать лишних вопросов.

Неожиданно тоннель оборвался. Они пулей вылетели из отверстия, под ними разверзлась черная пропасть. Перед шлюпкой возникло какое-то препятствие, и Кранит прыгнул в сторону, чтобы избежать столкновения. Они оказались в ущелье между двумя вертикальными стенами, которые что наверху, что внизу терялись во мраке. Перехватчику, висевшему у них на хвосте, повезло меньше. Иница увидела яркую вспышку: он врезался в препятствие и взорвался. Однако оставалось еще четверо – где-то сзади, в темноте.

Шлюпка неслась меж высоких стен. Иногда из тьмы выныривали выступы и карнизы, один раз мелькнула гигантская фигура. Даже внутри собора ведьмы воздвигали статуи, и Иница задалась вопросом: изображают они те же мифы, что и снаружи, или здесь, сокрытая от посторонних глаз, представлена темная сторона Ордена?

Перехватчики неоднократно приближались к ним, но зловещее притяжение больше ни разу не чувствовалось. Наконец Гланис дал отбой:

– Отстают!

Кранит удовлетворенно кивнул. Иница же вовсе не была уверена, что теперь можно вздохнуть спокойно. Ее лицо покрывала ледяная испарина.

Из щелей в стенах пробилось красное свечение, воздух сотряс мощный гул. Они вновь находились в кислородной атмосфере. Шум снаружи наверняка был адский, раз заглушал даже рев мотора. В льющемся из щелей призрачном зареве Иница видела, как сужается проход, словно рукотворное ущелье воронкой вело туда, откуда выхода нет.

– Но ведь это не техника Гегемонии! – пробормотал Гланис, словно не верил собственным глазам. – Конструкция совсем иная!

– Возможно, она гораздо древнее, – отозвался Кранит. – Или инороднее. Кто знает, как эти корабли оказались в руках Ордена.

Инороднее – что он имеет в виду? За много тысяч лет космической колонизации между Тиамандой и границей галактики не обнаружено никакого нечеловеческого разума. Разве что про ТИШИНУ ходили невнятные слухи: дескать, тут не обошлось без неких существ, которые населяют космос *наряду* с людьми, но остаются незаметны. Существ, которые сами решают, дать о себе знать или затаиться. В большинстве миров эти рассказы считались полной чушью, и именно поэтому культ ТИШИНЫ никогда не представлял угрозы для Ордена. Более того, ведьмы заключили союз с самыми влиятельными представителями культа – с Кавдорским домом, который заправлял Рудной Гильдией. Таким образом вера в ТИШИНУ оставалась под их контролем.

Однако ТИШИНА точно не строила космических кораблей, которые ведьмы приспособили под соборы. Так что же имел в виду Кранит, утверждая, что эта крепость может быть древнее и инороднее, чем техника Гегемонии?

– Радио! – приказал оружейник. – Послушаем, что они теперь скажут.

Гланис включил динамик, но на этот раз из него донеслось лишь шипение – шум помех, звучавший так, будто кто-то без конца всасывает воздух.

– Почему они нам больше не угрожают? – спросил он.

– Потому что в этом нет нужды, – прошептала Иница так тихо, словно боялась вспугнуть то, что могло подслушивать снаружи.

Кранит опустил шлюпку еще глубже, и что-то стало еле различимо далеко внизу: не твердый пол, а какая-то смолисто поблескивающая поверхность – не то вязкая жидкость, не то кожа или мембрана. Но разглядеть подробности Инице не удалось, так как Кранит снова выровнял корабль: он напряженно всматривался в стены, словно искал что-то.

– Где-то здесь... Ага, вот оно!

Отверстие – точно такое же, как и то, через которое они покинули шахту. Кранит направил шлюпку напрямиком в него.

Через некоторое время на стенах справа и слева снова замелькали лампочки. Но не столько по этим огонькам, сколько по какому-то внутреннему ощущению Иница поняла: тотемная зона осталась позади. Что-то там было – некое присутствие, от которого перехватывало горло и воздух вскипал в легких. Только сейчас она осознала, что последние несколько минут едва переводила дух. Теперь дышалось гораздо вольнее.

– Что это было? – спросила она.

Кранит не ответил.

– Ты же уверял, что там нет никакой магии. Дескать, все это сплошное надувательство.

Он проворчал что-то неразборчиво – вероятно, лучше ей было этого не слышать.

– Очередная ложь? – не отставала она.

– Ты что-нибудь видела? – огрызнулся он. – Я хочу сказать – собственными глазами ты что-нибудь видела?

– Мы прошли далековато от сердцевины, – сказал Гланис. – Кто знает, что бы мы увидели, если бы не...

– Вот именно! – прервал его Кранит. – Кто знает? Но с нами ничего не случилось, верно ведь?

Иница подавила всколыхнувшееся в душе возмущение, не желая разжигать ссору. Они все еще находились внутри собора, и в любой момент гиперпривод мог катапультировать ведьминскую крепость на Тиаманду. Тогда не будет иметь никакого значения, что они улизнули от перехватчиков.

Она глубоко вздохнула и спросила:

– Они знают, где именно мы находимся?

– Вряд ли они могут определить наше местонахождение внутри шахты, – ответил Кранит. – Раньше, во всяком случае, не могли. Если нам повезет, то еще немного – и мы у цели.

Он прибавил скорости, выжимая из двигателя максимум. Мчаться по тоннелю на такой скорости было рискованно – впереди во тьме могли таиться перехватчики, космические вьюны или еще что-нибудь, – но он не мог не понимать, что собор вот-вот совершит гиперпрыжок.

Инице вспомнилось, что он говорил раньше.

– Эти союзники, которые нас ждут, – заговорила она, – кто они?

– Корабль с необычайно мощным маскировочным щитом. Навороченная гегемоническая техника. Они держатся между Нурденмаркой и собором, на радарх их нет. Будет крохотное окошко во времени, когда они отключат маскировку и возьмут нас на борт. Если все пойдет по плану, через пару минут мы будем лететь обратно в Баронии.

Гланис смерил его ледяным взглядом.

– Ты ведь здесь не по поручению ее отца.

Иница посмотрела на Кранита и только тут сообразила, что Гланис прав.

– Разумеется, нет, – отозвался оружейник.

– Но ты же сказал...

– Что действую по поручению барона. Я не сказал, какого барона.

Гланис попытался схватить бластер с коленей Кранита, но оружейник опередил его. Одно мгновение – и дуло уже смотрело на Гланиса. Корабль занесло, но курс тут же выровнялся.

– Ты это брось, парень. Я понимаю, тебе нелегко. Но не делай глупостей.

Иница положила руку Гланису на плечо.

– Не надо, – промолвила она тихо. И, повернувшись к Краниту, спросила: – Кто тебя нанял?

– Барон Вирикаанский.

– Тантор? – ей чуть не стало дурно, хотя после всего пережитого у нее и без того было чувство, словно ее только что вывернуло наизнанку.

Кранит кивнул.

– Грязная свинья! – выругался Гланис – имел он в виду вирикаанского правителя или оружейника, так и осталось тайной.

Иницей вновь овладело странное спокойствие, словно ее разум переключился на автопилот.

– Он объяснил, зачем я ему понадобилась?

Кранит вздохнул.

– Год назад твой отец пообещал ему твою руку. До всей этой заварушки с ведьмами, испытаниями и отъездом на Тиаманду. Тантор хочет получить то, что ему обещано. И готов хорошо за это заплатить.

– Тантор Вирикаанский – дряхлый старик! Не я ему нужна, а Кориантум!

– Разумеется. Ты лишь ключ к Кориантуму. Твой отец – слабый правитель, и он это знает. Тантор, может, и не большой друг вашей семьи, но управлять планетой он умеет. Союз с Вирикааном – далеко не худшее, что может произойти с Кориантумом. Поженитесь и будете жить долго и счастливо.

– Ведьмы этого не допустят.

– А это уже не моя проблема, – отозвался Кранит. – Пусть барон сам расхлебывает. Я отвезу тебя к нему, получу вознаграждение и на первом же корабле улечу в Марки.

Лицо у Гланиса было напряженное. Иница видела, что он борется с желанием придушить Кранита – и ему плевать, куда нацелен бластер.

– Зачем же ты прихватил заодно и меня? – тихо поинтересовался он. – Ты ведь знаешь, я убью тебя, как только представится возможность.

– Чтобы у Иницы был хоть какой-то шанс, – ответил оружейник. – Вот запрут ее во дворце Тантора – кто-то же должен ее освободить? Я люблю получать за работу деньги, но свадьбы

по принуждению мне не по душе. А кто под покровом ночи явится выручать девушку, если не тайный воздыхатель?

Иница лишилась дара речи. Гланис сжал губы. Красные отблески сигнальных лампочек, тянувшихся по стенам тоннеля, прыгали по кабине.

– Но моих солдат ты обрек на гибель, – сказал он после паузы.

– Вдвоятером мы бы никак не влезли в эту шлюпку, – отозвался Кранит и добавил с сожалением: – Да и бойцы они были не ахти.

– Гланис, – мягко позвала Иница, заметив, что он вот-вот выйдет из себя, – ну ведь не он же их убил, а ведьмы.

Они замолкли на некоторое время. Потом Кранит ткнул пальцем вперед и объявил:

– Выходим на поверхность. Помолитесь кому-нибудь, чтобы здесь нас не поджидали перехватчики.

Корабль вырвался из шахты, и на этот раз статуй вокруг не оказалось. Они очутились под собором – шероховатое днище простиралось над ними до самых звезд, словно стальной горизонт. Дальше открывался великолепный вид на вереницу далеких солнц и бурый изгиб Нурденмарки.

Насколько хватало глаз – не было ни одного перехватчика.

– Обнаружат они нас довольно скоро, – сказал Кранит. Он назвал Гланису ряд координат, и тот механически застучал по клавиатуре. На мониторе обозначилась траектория – линия, пронзающая трехмерные клетки.

Кранит позволил себе улыбнуться.

– Мы совсем рядом.

Он самую малость скорректировал курс, и они устремились напрямиком к планете, плотно опоясанной кольцом из космических обломков.

Уже запестрели впереди грязные краски ее поверхности, когда прямо перед Нурденмаркой, посреди пустого пространства, поблек маскировочный щит, и Иница различила очертания космического корабля.

– Я же говорил, нам просто нужно немного везения, – удовлетворенно констатировал Кранит.

Гланис бросился на него, вцепился в черно-золотой бластер и лишь на волосок увернулся от лазерного стержня, который высек сноп искр из стены прямо за его спиной. Иница не знала, Кранит в него выстрелил или курок в драке нажался сам собой, но отчетливо увидела гнев на лице оружейника, когда Гланис схватил штурвал и свернул шлюпку с курса. Их изначальный замысел был скрыться на Нурденмарке, пересидеть там какое-то время, а потом перебраться в мир поприятнее. У них еще оставался крохотный шанс.

Кранит выпустил штурвал, так что шлюпка стала сваливаться в штопор, и ударил Гланиса кулаком в лицо.

– У нас нет времени на твои выкрутасы! Корабль обнаружат!

Удар был резкий и сильный, но Гланис не зря дослужился до капитана гвардии: он умел драться и давать сдачи. Теснота кабины мешала им обоим. Иница отстегнула ремень, бросилась на Кранита сзади и обхватила обеими руками его шею, не давая дышать. Гланис заехал локтем оружейнику в живот. Кранит взревел – больше от гнева, чем от боли, – запустил руку за спину и вцепился Инице в плечо. Перекинув ее через себя и сиденье, он швырнул ее на Гланиса. Вскинул бластер и наставил дуло на них обоих.

Из днища собора вылетела стайка белых точек – они были меньше и двигались быстрее любого перехватчика.

Иница закричала. Кранит выронил бластер и обеими руками схватил штурвал.

Торпеды пронеслись мимо шлюпки и настигли демаскированный вирикаанский корабль. Щит был пробит. Пламя вспыхнуло и тут же задохнулось в вакууме. Корабль разорвало на куски. Обломки полетели во все стороны: и в атмосферу Нурденмарки, и в сторону собора.

Один из самых крупных обломков задел шлюпку.

Иница почувствовала, как что-то оторвалось от фюзеляжа, почувствовала так отчетливо, словно это была часть ее тела, а не корабля. Бластер взмыл в воздух, пролетел наискось через всю кабину и ударился о стекло, и она подумала, что ни Гланис, ни она сама не пристегнуты, ничем не защищены. В тот же миг руки Кранита обхватили ее сзади – плюхнувшись в кресло пилота, он могучим рывком прижал ее к себе.

Космос надвинулся на нее со всех сторон – глубокая, ледяная чернота, – и она еще успела обреченно подумать, что сейчас и их корабль развалится на тысячи кусочков, которые звездопадом прольются на Нурденмарку.

5

Покинув таверну, Шара Биттерштерн ощутила, что алкоголя в крови все же недостаточно, чтобы пролить о Нурденмарке хоть одну слезу. Завтра, самое позднее послезавтра, она улетит отсюда, а пока будет пить не просыхая. Она сыта этим миром по горло, и у нее наконец-то есть деньги, чтобы скрасить выпивкой последние часы.

Свежий ветер свистел над голым каменистым склоном, когда она вышла на улицу. Пока дверь не закрылась, вслед ей неся гул голосов: гнусавые диалекты Марок, бахвальство пьянчуг и радостный хохот девиц, которые вместе с караванами колесили от заставы к заставе, задерживаясь на одном месте лишь до тех пор, пока не оберут до нитки последнего простофилю.

Шара пару раз глубоко вздохнула и с удовольствием прикрыла бы глаза, если бы не опасалась, что кто-нибудь из копателей тут же ограбит ее, воспользовавшись моментом. Все ее состояние было зашито в широкий пояс – в том числе свидетельство, позволявшее провести остаток жизни в любом другом мире. Вздумай кто-нибудь из местных пьянчуг и впрямь напасть на нее, она отобьется и без бластера – ножа ей хватит с лихвой. До Дьеньи, единственного здешнего города, день пути, но даже там, на черном рынке при космопорте, трудно раздобыть огнестрельное оружие. А отнимать бластер у солдата Рудной Гильдии стоит лишь в том случае, если ты уверен, что тебя никто никогда не найдет. Иначе оглянуться не успеешь, как срок твоей нурденмаркской каторги продлится на пару десятков лет.

Таверна Пушара располагалась в бывшей шахте, пробитой в единственной на много километров вокруг горе. Круглая шахта горизонтально уходила в глубь породы – дыра без окон, заставленная столами и лавками, где толпы копателей глушили отвратительную Пушарову сивуху, сплевывали на пол панадский жевательный табак и рассказывали небылицы про собственное прошлое – до того, как их депортировали сюда и заставили искать индиго на парящих утесах планетарного кольца.

Кольцо. Бурлящая каменная стена на горизонте. Два с половиной года долбила Шара один из этих утесов. Два с половиной года жизни потратила на драгоценный голубой камень, который в отдаленных мирах Империи дарят знатым дамам, пресытившимся прочими благами. Два с половиной года провела с киркой и лопатой в тесной штольне, день и ночь одна, разъедаемая ненавистью к тем, из-за кого она здесь оказалась.

Она отошла на пару шагов от дощатого фасада, который Пушар соорудил на входе в шахту-таверну. От одинокой горы до самого Кольца тянулась плоская красно-коричневая

пустошь. Если бы Шара верила в богов или в ТИШИНУ, она бы мысленно возблагодарила их, что ей никогда больше не придется взваливать на спину ракетный рюкзак и возвращаться на свой утес.

С маленького плато склон был как на ладони, и хотя уже смеркалось, еще можно было разглядеть в скале дюжину круглых шахт. Все они были заброшены давным-давно, когда выяснилось, что залежи индиго в Кольце значительно превосходят залежи в коре Нурденмарки. С тех пор Рудная Гильдия ссылала преступников в этот поганный мир, заставляла их покупать один из парящих в Кольце утесов и, снабдив киркой и заступом, отправляла искать индиго. Те, кому посчастливилось найти месторождение, получали возможность продать утес и свое право на разработку местному мастеру Гильдии – это погашало долг за первоначальную покупку и приносило кое-какой доход. Однако везло немногим. Остальные умирали в первые несколько лет, надорвавшись на непосильной работе, или погибали при столкновении утесов, что случалось довольно часто. Большинство этих каменных обломков были не больше космобаркаса, но один-единственный человек мог долбить на них породу десятилетиями. Те, кто еще не потерял рассудок, днем и ночью искали драгоценное месторождение – единственный шанс отсюда вырваться.

– Ты нашла индиго, – раздался рядом детский голос. Шара стояла на самом краю плато, раскинувшегося перед таверной. Бросив взгляд направо, она увидела маленького мальчика, который сидел на кромке скалы, свесив ноги вниз. Он разглаживал на камне скомканные листки бумаги и складывал из них изящные космические корабли. Возле него уже выстроился целый флот – около полудюжины бумажных космолетов, замерших в ожидании старта.

– Здорово смотрятся, – сказала Шара. Что-то в усердии малыша тронуло ее, она подошла поближе и остановилась подле его миниатюрного космопорта.

– Когда совсем стемнеет, я запущу их наверх, к самым звездам.

Мальчуган был светловолосый, чистенько одетый. Здесь редко встретишь ребенка, и у Шары было смутное подозрение, откуда он взялся.

– Сколько тебе лет? Земных.

– Восемь. А тебе?

– Тридцать семь.

Она взглянула наверх, где каменное Кольцо, размытаясь в сумерках, сливалось с небом. Вихрь парящих скал казался отсюда зернистым туманом.

– Первые звезды уже зажглись.

– Они слишком близко. Мои корабли полетят к тем звездам, которые отсюда далеко.

– Как хорошо я тебя понимаю.

– Когда я вырасту, я буду строить всамделишные крейсеры. Не баркасы, а по-настоящему большие корабли. И у каждого будет свой гиперпривод!

По этому поводу Ордену и Рудной Гильдии наверняка найдется что возразить, подумала она. Ее забавлял этот разговор – похоже, всему виной хмель.

– Было бы неплохо.

– Нечестно, что только соборы могут сами переходить в гиперпространство, а всем остальным приходится лезть в ветхие шлюзы.

«Твои бы слова да Божественной Императрице в уши», – подумала Шара. Даже лучшие корабли Гильдии еле-еле достигали скорости света. Если же нужно было покрыть очень большое расстояние, они отправлялись к древним гипершлюзам, которые с незапамятных времен висели в космосе, словно буйки в бескрайнем океане. Воспользоваться ими мог кто угодно, но прыжок был сопряжен с немалым риском. Не было никакой гарантии, что связь между шлюзами не нарушена. Большинство шлюзов имели дефекты, которые уже невозможно было толком починить. Рано или поздно они просто развалятся.

– Ты хорошо во всем этом разбираешься, – сказала она.

– Я даже летал один раз на корабле.

Это подтверждало ее догадку: мальчик наверняка приходился родней богатому мастеру Гильдии.

– И через гипершлюз?

Он покачал головой.

– А я да, – сказала она. – У меня был собственный корабль.

– Мой дядя отнял его у тебя, когда тебя сюда привезли, да?

Шара кивнула.

Его пальцы разгладили на камне очередной листок, испещренный печатными буквами. Очень ловко он принялся складывать космический корабль. Настоящие корабли редко выглядели столь элегантно, но до чего приятно представлять себе, что рассекаешь гиперпространство на таком красавце. В детстве Шара и сама лелеяла подобные мечты, и возможно, именно поэтому теперь она уселась рядом с ним, в опасной близости от края плато – уселась на корточки, чтобы при малейшей опасности тут же вскочить на ноги. Кроме них, перед таверной не было ни души, захолустная застава словно вымерла. Только в старых шахтах кое-где теплился свет: их втридорога сдавали тем, кому пришлось заночевать на заставе.

– Ты племянник Кальтара Пина?

– Моя мать приходилась ему сестрой. Она умерла от оспы. Тогда дядя Кальтар приказал убить моего отца, потому что считал, что она заболела из-за него, – мальчик пожал плечами, словно это было совершенно обычное семейное дело. Но взгляда Шары старательно избегал. – Я тогда был совсем маленький. Даже толком ее не помню. С тех пор я и живу у дяди.

Может, ей стоит внимательнее следить за языком? Все-таки Кальтар Пин – самый могущественный человек отсюда до Дьенни: именно ему пару часов назад она продала свое право на разработку, и именно он подписал свидетельство, сделавшее ее свободной женщиной. Омерзительный, жадный тип, подонок, подлее которого не сыскать; оставалось лишь надеяться, что мальчик не унаследовал его поганый характер. Сейчас в дальнем закутке Пушаровой таверны Кальтар Пин забавляется с девками, которым, как водится, под конец откажется платить. Поди попробуй возмутись.

– Каково это – носить ошейник? – спросил мальчик, складывая из бумаги что-то вроде двигателя.

Шара провела рукой по металлическому обручу толщиной с палец, плотно облежавшему шею. Внутри находилось несколько взрывных зарядов. Такой ошейник носил каждый каторжник, сосланный на Нурденмарку долбить камень. Каждые двадцать дней они надевали ракетный рюкзак и летели на ближайшую заставу, чтобы один из странствующих гильдейских разрядчиков заново настроил ошейник. Пропустишь срок – на следующий день голова слетит с плеч. Приходилось мириться и с регулярными поверками, и с длинными очередями, тем более что только на заставах имелись лицензированные Гильдией таверны. Впрочем, ходили слухи о разрядчиках, которые задерживались по пути от одной шахтерской базы к другой, – большинство из них были пьяницы и развратники, – а добравшись наконец до следующей заставы, обнаруживали, что пара десятков копателей лишились из-за их опоздания головы.

На Нурденмарке никто не доживал до старости. Даже тех, кто работал на Гильдию, в конце концов губило пьянство, панадский жевательный табак или помешавшийся копатель.

Шара медленно провела указательным пальцем по взрывошейнику. Проклятые обручи были надежны, но не безупречны, и даже за два с половиной года она так и не свыклась с мыслью, что какой-нибудь ничтожный дефект может превратить ее голову в облако из крови и костяного крошева.

– Они не очень тяжелые, – сказала она, хотя вряд ли мальчика интересовало именно это.

Он с детской непосредственностью спросил:

– А ты по правде мужчина?

Этот вопрос ее и позабавил, и обескуражил. Неужели Нурденмарка настолько изменила ее внешность?

– Ни в коем разе.

– У тебя плечи и руки, как у мужчины.

– Это из-за работы в шахте.

– А почему у тебя нет волос? Мужчины бывают лысые, а женщины нет.

Шара подавила усмешку.

– Некоторые вполне себе. Или ты не знаешь, какие головы у ведьм, если снять все украшения?

– Ты ведьма?

– Нет.

– А была ведьмой?

– Нет, нет и еще раз нет. Волосы мне мешали, вот я их и сбрила.

Это была правда лишь наполовину. Еще когда она была контрабандисткой – некоторые называли ее скупщицей краденого, – бесчисленные прыжки через шлюзы-развалюхи не прошли ей даром. Из-за облучения у нее выпадало все больше волос, пока наконец она не обкромсала череп наголо. С тех пор она так и не обросла, лишь иногда вылезал какой-нибудь одинокий волосок, который она тут же выдирала.

– У тебя татуировка на затылке, – сказал он. – Я еще раньше обратил на нее внимание – когда ты входила в таверну. Это крест?

– Звезда с четырьмя лучами. Звезда Горечи. Я ищу ее уже много лет, и когда-нибудь все-таки найду.

– Вряд ли. Она ведь сзади, а ты смотришь вперед.

Она удивленно уставилась на него. Ни разу за все годы, минувшие с тех пор, как она наколола эту татуировку на Тарагантуме IV, ей не приходила в голову подобная мысль. А ведь в этом вся злосчастная суть ее бездарно растроченной жизни. Сколько раз она теряла из виду стоящие цели? И сколько раз бросала все, что имела хорошего, и лишь задним числом понимала, что в очередной раз проморгала свое личное спасение?

– Ну, это скорее что-то вроде символа, – пробормотала она. – Не надо понимать буквально.

Мальчик не заметил, как сильно ее задела его слова. Он уже набрал в грудь воздуха, чтобы задать следующий вопрос:

– Твой корабль – какой он?

– Необычный, – наверное, давно пора встать и вернуться в таверну. Но она по-прежнему сидела на краю плато и смотрела, как на небосводе одна за другой загораются звезды. Как же она соскучилась по просторам космоса. – Очень старый, но изумительно красивый. Большинство людей, когда видят его впервые, всерьез не воспринимают – думают, так, безделушка. Произведение искусства, но для космических полетов не годится.

– Как же он выглядит?

– Как узкий полумесяц. С лицом посередине.

– Как в сказке?

Надо же, Кальтар Пин разрешает ему читать книги. Кто бы мог подумать.

– Да, – ответила она, – именно что как в сказке.

Он отложил в сторону свой бумажный крейсер, не доделав его.

– Как он называется?

– Вообще-то, это *она*.

– Корабль-девочка?

– Можно и так сказать. Ее зовут «Кночи».

Его глаза чуть расширились.

– Ох.

– Тебе не нравится имя?

Да, что-то она разговорила. Должно быть, водка Пушара подействовала сильнее, чем она ожидала. К тому же ей нравился этот мальчуган, мечтающий о крейсерском флоте, который полетит через гиперпространство к границам Вселенной.

Вместо ответа он задал встречный вопрос:

– Давно ты здесь?

– Два с половиной года.

– Значит, он опять это сделал, – мальчик с каждой секундой грустнел.

– Кальтар Пин? – она вскочила, нога едва не соскользнула с кромки скалы. – Что этот подонок натворил?

Пин был обязан хранить корабли заключенных три года. Только если за этот срок владелец так и не нашел индиго, Пин получал право с согласия Гильдии продать корабль и положить себе в карман часть прибыли. Каждого заключенного по прибытии сюда заставляли дать соответствующую расписку.

– У меня еще полгода времени! – в бешенстве выкрикнула Шара. – Завтра я доберусь до Дьеньи, с меня снимут ошейник, и я получу «Кночи» назад. Так сказано в их проклятом договоре!

Малыш смотрел на нее почти сочувственно, словно хотел сказать: ты правда веришь, что Кальтар Пин будет соблюдать какой-то дурацкий договор с человеком, который носит взрывошейник? Но произнес он совсем другое:

– Мне очень жаль, правда. Но вчера он продал корабль под названием «Кночи». И деньги как раз сейчас пропивает в таверне.

6

Шара протолкалась сквозь толпу в заднюю часть грота, в котором помещалась таверна Пушара, и одну за другой принялась распахивать двери отдельных кабинетов, пока не нашла тот самый, где Кальтара Пина как раз ублажали две девки.

Ей не понадобилось и трех минут, чтобы выбить из него правду. Девки мигом улизнули в питейный зал и исчезли в галдящей толпе. Охранники Пина, в доску пьяные, клевали носом над стойкой и не слышали бы крики своего босса, даже если бы он находился в двух шагах от них.

«Кночи» Пин продал накануне, выручив за нее сумму, которую счел «разумной» – на самом деле деньги были смешные. Он ведь всего-навсего предприниматель средней руки, с которого все рады содрать три шкуры, плаксиво нудил он, дела идут не очень, и Шара должна понять, что он хотел как лучше. Он предложил ей двадцать процентов выручки – «и ведь я не обязан это делать», – вместо ответа она фруктовым ножом отхватила ему левое ухо. После этого внушения он рассказал, где именно сейчас находится корабль, и признался, что от денег как раз пятая часть и осталась, потому что все остальное он пустил на оплату долгов. Шара пнула его в брюхо, сполоснула руки и сапоги и покинула таверну Пушара, ни разу не оглянувшись.

Снаружи на краю скалы по-прежнему сидел мальчик и складывал космические корабли с гиперприводом. Он подарил ей один из своих бумажных крейсеров и пожелал благополучно добраться до Дьеньи.

Четыре часа спустя она сбросила с плеч ракетный рюкзак – основное средство передвижения копателей, работающих в Кольце. Полы длинной куртки развевались за спиной, когда она потопала по монорельсовой дороге, некогда связывавшей заставу с городом, где находился космопорт. Железнодорожное сообщение прекратилось десятки лет назад, жесткий кустарник пророс через бетонную подложку. Могучий рельс посередине доставал Шаре до бедра, и она шагала вдоль него в сгущающейся тьме. Хмель мало-помалу выветрился, и она почувствовала, что проголодалась.

Когда-то по этому пути курсировал пятиэтажный поезд. Его выпотрошенный локомотив прикорнул на рельсе в трех часах пути от Дьеньи – черное чудище, из недр которого по окрестностям разносился скрежет и вой. Заложив большую дугу, Шара обогнула стальной остов и снова взобралась на путь, только когда за далекими вершинами забрезжил рассвет. Чем дальше

она уходила от планетарного кольца и его причудливых гравитационных аномалий, тем холмистее становилась местность. Все здесь поросло густым ковром вереска, красно-коричневым и серно-желтым круглый год.

Когда взшло солнце, Шара увидела впереди город. Монорельс резко нырнул вниз, устремившись на широкую равнину: казалось, какая-то мятежная геологическая сила разгладила предгорья, будто столешницу. В нескольких километрах от хребта лежала Дьенья – бесформенное светлое пятно, расплзшееся вокруг одного из трех нурденмаркских космопортов. Кораблей здесь всегда роилось великое множество. Тюремные суда, привозившие новых копателей, представители Гильдии и ушлые торговцы индиго регулярно прилетали на планету, к тому же сюда стекалось немало всякого сброда, которого вдосталь в любом населенном мире Марок.

Обычно космопорт представлял собой летное поле на отшибе, но здесь его построили иначе, чтобы защитить корабли от разрушительных бурь. В землю уходила вертикальная шахта квадратной формы, шириной пятьсот метров, глубиной – все восемьсот. Что-что, а копать в этом мире умели. Посередине шахты инженеры Гильдии возвели четырехугольную башню, плоская крыша которой чуть-чуть выдавалась над уровнем земли. Внутри находились десятки платформ с посадочными и стояночными площадками; там же стояли на приколе и корабли копателей, которые должны были ждать хозяев в течение трех лет. Если какой-нибудь мерзавец вроде Кальтара Пина не нарушал правила.

Шара задавалась вопросом, не суждено ли ей было вскоре пасть жертвой несчастного случая – скажем, пропустить срок проверки взрывошейника, – чтобы мошенничество Пина не вскрылось. Во время ночного марш-броска у нее было достаточно времени, чтобы все обдумать, и она пришла к выводу, что Пин собирался устранить ее до истечения трех лет. Возможно, не ее первую.

Таким образом, возникала новая проблема. Каким бы жуликом ни был Кальтар Пин, он являлся официальным представителем Гильдии в районе Пушаровой заставы, и именно он отвечал за сотни копателей, вкалывающих в Кольце. Конечно, у Шары имеется подписанное свидетельство, удостоверяющее, что она отработала наказание и получила разрешение покинуть планету. Но взрывошейник до сих пор не снят, и только в Дьенье есть гильдейские разрядчики, которые могут это сделать. После стычки в таверне Пин наверняка связался с местной штаб-квартирой Гильдии. Через три дня истекает срок очередной проверки. Если до тех пор она не избавится от ошейника, проблема Пина разрешится сама собой.

Она прибавила шагу. Издалека видно было, как с подземной башни космопорта поднималась точка, зазолотившаяся в лучах восходящего солнца. Шара вкалывала два с половиной года, чтобы свалить из этого мира, а теперь пропадет из-за собственной мягкотелости? Только из-за мальчика она оставила Кальтара Пина в живых. Теперь припадок сентиментальной слабости мог стоять ей жизни.

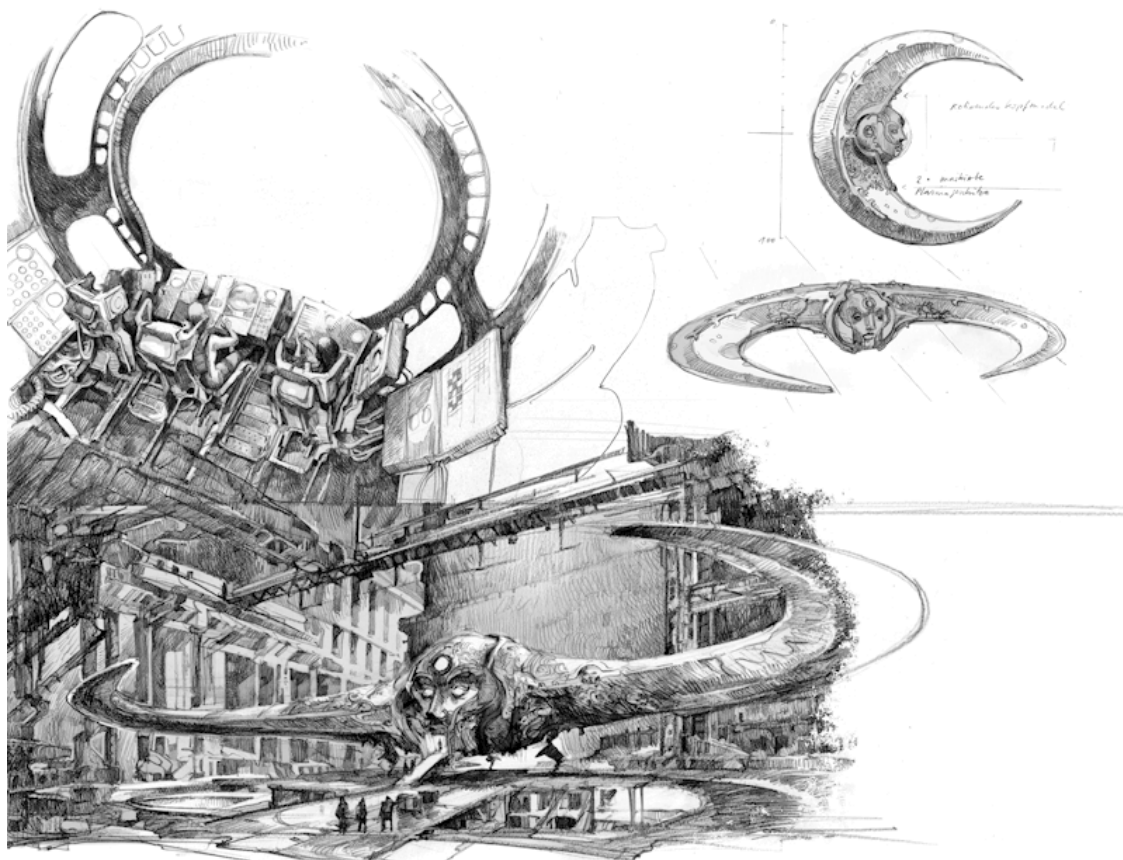
Полчаса спустя монорельс пересекла черная горелая полоса. Начинаясь она в добрых двухстах метрах слева, в зарослях вереска, и обрывалась в полукилометре справа от пути. Там из земли торчали обломки. То ли крушение, то ли неудачная аварийная посадка. Вереск вокруг обломков не выгорел: скорее всего, пожара не было, но наружная обшивка маленького корабля так сильно нагрелась при входе в атмосферу, что, пропахав землю, оставила выжженный след. Крушение, судя по всему, произошло не так давно, иначе пепел и копоть размыло бы дождями, которые прошли четыре дня назад в этом регионе Нурденмарки.

У Шары мелькнула мысль, не подойти ли к остову корабля поближе – вдруг среди обломков завалялось оружие или еще что полезное, – но она не хотела терять время. Шанс, что «Кночи» до сих пор в космопорте, и без того был невелик. При виде каждой сверкающей точки, взмывавшей над Дьеньей, Шара боялась, не ее ли это корабль. Еще через полчаса неутомимой ходьбы она стала различать очертания стартующих судов. Но так и не увидела необычного

корпуса-полумесяца, который при взлете сперва шел горизонтально, а потом переворачивался вертикально.

Наконец она добралась до окраины, застроенной, как и вся Дьенья, типовыми одноэтажками. В настоящее время в Дьенье проживали несколько тысяч человек – обычный город в Марках. На большинстве пограничных планет Империи Ордена имелись поселения вроде этого – города-пионеры первых колонистов, где ныне жизнь кипела только благодаря преступникам, на которых беспощадно наживалась Гильдия. Местные хибары строились в основном из бута и глины, дорогих блочных зданий почти не было – стройматериалы пришлось бы возить из других миров. Каменные бури, во время которых из Кольца несло куски породы, избородили все поверхности, вырезав на них филигранные узоры, напоминавшие загадочные письмена, словно природа пыталась оставить поселенцам послание: людям здесь не место.

Почти не глядя по сторонам, Шара стремительно шагала по улочкам и наконец выбралась на одну из главных дорог, ведущих в центр, к космопорту. По пути ей то и дело попадались прилавки торговцев. На черном рынке Дьеньи можно было найти почти все, что пользовалось спросом в таком мире, как Нурденмарка: обоюдоострые клинки, паленое пойло, синтетические наркотики, сваренные в ближайшем подвале, краденые инструменты и запчасти для ракетных рюкзаков. Кроме того, здесь можно было встретить полчища оказавшихся на мели прорицателей, лицемерных проповедников и бездарных знахарей, а также шлюх, промышлявших в грязных банях, и свободных предпринимателей, которые за плату готовы были устранить любую проблему.

Измощенная и изголодавшаяся, Шара наконец добралась до края квадратной шахты, в центре которой возвышалась уходящая под землю башня космопорта. Из недр шахты доносился адский грохот: выли турбины, скрежетали стальные ворота. Воняло маслом, топливом и

ядовитым выхлопом. У башни не было внешних стен, ярусы размещались один над другим на могучих опорах. Каждая платформа была рассчитана на восемь кораблей, но на большинстве стояли впритирку друг к другу десять-двенадцать. Удивительно, как башня еще не рухнула под таким весом. Уже и котлован готов, в котором упокоятся обломки – останется только присыпать его землей и воздвигнуть сверху хорошенький монументик в память о тех, кто погребен под завалами. В Марках нежелательные воспоминания исчезали быстрее, чем крысоящер в норе.

Через пропасть перекидывались четыре моста, по одному с каждой стороны башни. Шара предъявила тяжеловооруженной охране документы, и ее пропустили. Если Кальтар Пин и успел донести на нее, до здешних стражей его жалобы еще не дошли. Кроме того, она выяснила, что «Кночи» со вчерашнего дня пришвартована в другом месте: не на шестом ярусе, а выше, на ремонтной палубе номер тридцать семь. Все ее системы проверяют, корабль готовят к старту.

На лифте, подвешенном на грохочущих цепях, она спустилась с крыши на три этажа ниже, на тридцать седьмой ярус. «Кночи» стояла на противоположном краю платформы, она сразу увидела ее в просвете между другими кораблями.

И ощутила прилив эйфории, которая в подобном месте вполне могла стоять жизни, так как притупляла бдительность. Да, крылья ей подрезали, но не отрубили. Скоро она снова будет летать.

Никто не остановил ее, когда она медленно двинулась между кораблями. Работа кипела только вокруг двух судов, остальные служили складами запчастей. Их фюзеляжи были покрыты толстой коркой грязи, посадочные люки стояли нараспашку. Этим посудинам уже не суждено было подняться в воздух. Из них выпотрошили душу, отодрали куски обшивки и растащили технику. Даже в самом крайнем случае Шара не решилась бы взлететь на подобной колымаге – уж лучше сразу кинуться головой вниз в болото отработанного масла, хлюпавшее у подножия башни.

Она шагала по платформе, и казалось, что корабли, будто кулисы, расступаются перед ней. Наконец, остановившись за широкой бетонной опорой, она разглядела «Кночи» во всем ее поблекшем великолепии.

Под медно-рыжим корпусом скучали четыре вооруженных охранника. Один сплевывал комья жевательного табака прямо на одну из стоек, на которых высился корабль. Доспехи их явно были собраны из чего попало; у каждого имелся тяжелый бластер и дубинка-шокер. Новый владелец «Кночи», по-видимому, рисковать не хотел. Да и правда лучше перестраховаться, когда заключаешь сделку с Кальтаром Пином. Эти бравые ребята, скорее всего, трудятся в какой-нибудь охранной конторе низкого пошиба: привратники или коллекторы, ищущие заработка на стороне. Не профессиональные солдаты или бывшие паладины.

Два техника со сварочными аппаратами корпели над закрылками. Они у «Кночи» давно барахлили, и если чинить на совесть, то придется провозиться несколько часов. Шаре стало любопытно, озадачил ли их уже главный генератор, запрограммированный выбрасывать фиктивные ошибки при несанкционированном запуске. Имелся на корабле и еще один защитный механизм, который она установила собственными руками. Этот механизм срабатывал автоматически, если корабль находился в полете дольше пятнадцати минут. Очевидно, тот, кто перепарковывал корабль с шестого на тридцать седьмой этаж, действовал оперативно, иначе «Кночи» не добралась бы досюда в целости и сохранности.

Пока «Кночи» лежала горизонтально, ее серповидная форма не бросалась в глаза, особенно вблизи. Изогнутый корпус, края которого были обращены друг к другу, в самом широком месте достигал восьмидесяти метров в поперечнике, а высота без стоек составляла пятнадцать метров. Командный мостик располагался за огромным стальным лицом, украшавшим середину дуги. Лицо было частью круглой капсулы, которая переворачивалась в зависимости от положения корабля. Поэтому вне зависимости от того, лежала «Кночи» или стояла, глаза

всегда располагались параллельно земле. Окно кабины сверкало во лбу, словно третий глаз, а во рту находился вход в трюм.

Бесспорно, «Кночи» была настоящим произведением искусства, и именно поэтому большинство пилотов недооценивали ее, считая детской игрушкой. Прежде чем ее хозяйкой стала Шара – а с тех пор минуло уже больше десяти лет, – он служил борделем – эдакое увеселительное заведение, кочующее между мирами Марок. Один знакомый на Тарагантуме IV помог ей переоборудовать корабль под нужды контрабандистки, и каюты проституток переделали в склады – но сперва их пришлось очень долго проветривать.

Шара не сомневалась, что вернет себе корабль, самое позднее – ближайшей ночью. Теперь, увидев, как беспомощно суетятся вокруг закрылков техники, она поняла, что раньше завтрашнего дня «Кночи» в любом случае не улетит. Кроме того, сперва ей нужно избавиться от взрывошейника.

Она осторожно обошла колонну, за которой стояла. При этом взгляд ее зацепился за корабль, стоявший возле ее любимицы. Это было неуклюжее грузовое судно – полная противоположность изящной «Кночи». Вокруг него тоже шла работа, техники висели в люльке под брюхом корабля и копались в его кишках. Рядом на обшивке виднелись безошибочно узнаваемые следы мощного лазерного огня.

Возле погрузочного трапа парила платформа на воздушной подушке, а на ней стояли клетки, в которых скрючились связанные люди. Их стоны заглушал визг газовых резаков в руках у техников. Очевидно, клетки собирались вот-вот погрузить на борт. Значит, это мясной баркас – транспорт работоторговцев, которые испокон веков зашибали деньги в Марках. Если новые хозяева «Кночи» окажутся из той же банды, это усугубит проблему.

Шара увидела, как за штурвал платформы уселся человек и пришвартовал ее к трапу рабовладельческого судна. Еще два человека следили за погрузкой пленников. Их доспехи были изготовлены по новейшим технологиям. Кое-как экипированные охранники «Кночи» посматривали на работоторговцев с плохо скрываемой завистью, – верный признак того, что хозяева кораблей никакого отношения друг к другу не имеют.

Шара отвернулась и неторопливо зашагала к лифту. Никто не обратил на нее внимания. Лишь вопли рабов неслись ей вслед, и она испытала облегчение, когда лязг лифтовых цепей заглушил их стенания.

7

Правое запястье Иници было приковано железными наручниками к креслу помощника пилота «Кночи». «Я не могу допустить, чтобы ты сбежала от меня в таком месте, как Дъенья», – заявил Кранит. И вот она сидела, подтянув колени к животу, в кабине чудного корабля-полу-месяца и пялилась из окна на космолеты, пришвартованные по соседству и служившие складами запчастей. Нурденмаркское солнце зашло; на высоком потолке и на полу, под молочными стеклами из бронепластика, пульсировал свет бесчисленных люминесцентных ламп.

Чем отчаяннее Иница старалась не думать о Гланисе, тем хуже ей это удавалось. Мысли ходили по кругу, перед внутренним взором вставали одни и те же картины, прокручивались одни и те же воспоминания. Последние ясные мгновения, когда они штопором неслись вниз, адский жар, когда шлюпка нырнула в атмосферу. Ручищи Кранита, сжимающие ее изо всех сил. Гланис, скорчившийся возле пилотского кресла, его мрачный взгляд, устремленный на нее, – пока тряска не стала такой сильной, что она перестала различать даже его силуэт.

А затем – пустота.

Когда она очнулась, Кранит нес ее по тесным улочкам того самого города в Марках, о котором раньше она только слышала. Так вот она какая, Нурденмарка. В воспоминаниях Иници каждая деталь была отравлена горечью потери и поражения – грязные лица мужчин и женщин на улицах, ветхие лачуги из кирпича-сырца, вонь сточных канав и вездесущий шум космопорта.

Иницу не отпускало чувство, будто она до сих пор находится в свободном падении, будто она так и осталась в несущемся к земле суденышке. Шлюпка развалилась у самой поверхности, объяснил ей Кранит. Он-де и сам не все помнит. Гланиса, наверное, выбросило раньше, среди обломков он его не нашел. Инице и Краниту повезло, что переднюю часть кабины залило противопожарной пеной. Она преградила путь огню и смягчила удар.

– Ты убил его! – кричала Иница оружейнику. – Ты с самого начала хотел от него избавиться!

– Если бы не я, его бы давным-давно казнили паладины. Зачем мне теперь его убивать?

– Он сорвал твои планы.

– Не сорвал, а просто немного все усложнил. По правде говоря, в этой дыре я был бы рад любому союзнику, который умеет обращаться с бластером.

– Почему же ты не дашь бластер мне?

– Ага, чтобы ты пальнула мне в спину?

– Не беспокойся, я хочу в этот момент смотреть тебе в глаза.

– Парень был что надо. Смелый. Но его больше с нами нет. И нам обоим нужно исчезнуть с Нурденмарки, прежде чем кто-нибудь пронюхает, кто ты такая. И что тебя ищут паладины.

Краниту понадобился день, чтобы приобрести корабль-полумесяц. И еще полтора дня спустя она сидела в кабине и ждала, когда ремонтники подлатают самые серьезные неисправности «Кночи»: что-то с закрылками и с главным генератором. По зашифрованному каналу Кранит связался с Вирикааном, и денежный вопрос был решен в считанные минуты. Еще одного корабля с Вирикаана пришлось бы слишком долго ждать, поэтому путешествие на «Кночи» было сочтено оптимальным вариантом. Барон Тантор, похоже, ждет не дожидается, когда Иница окажется в его скрюченных подагрой лапах. И что толку спрашивать, куда делось то отвращение, которое Кранит якобы питал к свадьбам по принуждению.

Орден, вне всякого сомнения, дышал им в спину. Автопилот шлюпки запрограммирован лететь в ближайший космопорт. Паладины Сетембры наверняка давно уже определили местонахождение обломков и всюду искали беглецов в Дьенье. Вскоре кто-нибудь да вспомнит исполина с бородой, заплетенной в косички, и девушку с гладкой кожей. Копательницы и трактирные девки выглядят иначе.

Инице невыносима была мысль покинуть Нурденмарку, так и не выяснив судьбу Гланиса. Она в сотый раз обдумывала, как выбраться отсюда и вернуться на место крушения: может, хоть какие-то следы удастся найти. Она страдала, представляя себе, что он лежит где-то тяжело раненый и тщетно ждет ее помощи.

Как только Кранит оставит ее без присмотра, она сбежит. Наручники волновали ее меньше всего. Но ей не удастся просто так пройти мимо четырех охранников, которых нанял Кранит. Он не скрывал, что считает их теми еще вояками, но, вероятно, надеялся, что их бластеры и изрезанные шрамами лица отпугнут по крайней мере продавцов корабля, если те вдруг возжелают, присвоив деньги, получить обратно и товар.

Нужно было дождаться подходящего момента. Moments, когда охрана отвлечется.

– Как только окончательно стемнеет, мы улетим, – сказал Кранит и сплюнул табачный сок в миску возле пилотского кресла. – На ремонт уйдет еще пара часов, не больше.

Он сидел на коленях перед приборной панелью и орудовал в ее раскуроченном нутре разномастными гаечными ключами, словно это комбайн для уборки свеклы, а не корабль, который разгоняется почти до скорости света. Трудился он молча, лицо было напряженное и сосредоточенное. В бороде, на косичках, сверкали капли пота. Это было не похоже на него: передоверить черт знает кому охрану корабля и самозабвенно заняться починкой. Скорее всего, он включил все защитные системы, которые жрут немыслимое количество энергии и перегружают и без того неисправный генератор.

– Кого ты боишься, в конце концов? – осведомилась она. – Ведьм? Других охотников за головами? Мясного баркаса по соседству?

Он пробурчал себе что-то под нос – извечная его манера отвечать на вопросы.

– Это и моя жизнь, знаешь ли, – сказала она.

Он сердитым движением выдернул руку из кишков корабля и взял другой ключ.

– Я просто соблюдаю осторожность.

– Половина Дьеньи нас видела. Это ты называешь осторожностью?

– Уж лучше пусть они найдут нас здесь и мы их прикончим, чем будем бегать от них до самого Вирикаана. Путь займет четыре дня, даже если мы эту колымагу разгоним до упора, и за столько времени они десять раз успеют натравить на нас перехватчики.

Она расхохоталась.

– Ты же не всерьез мечтаешь о том, чтобы сюда явилась ведьма?

– Почему нет? Надеюсь, успею прикончить ее из бортовой пушки.

– Ты, похоже, не сильно-то доверяешь своим четверем друзьям у трапа.
– Они могут отпугнуть разве что местных головорезов. Против паладинов у них нет ни единого шанса, а против ведьмы... – он не договорил. – Пора нам отсюда исчезнуть.
– Гланис стоил бы десятерых таких.
Только теперь он посмотрел на нее.
– В сотый раз повторяю: я его и пальцем не тронул. Он пропал.
– Ты мог бы его поискать.
– Где? Облазить пол-Нурденмарки и собрать его по кусочкам?
Она знала, что он грубит специально, лишь бы она наконец отстала. Ну уж нет, этого одолжения она ему не сделает.
– Сколько времени ты его *действительно* искал?
– Достаточно долго.
– Ну да, – презрительно отозвалась она. – Конечно.
Он отбросил гаечный ключ и положил перепачканную маслом руку на подлокотник ее кресла.
– Открой-ка мне страшную тайну. Куда вы собирались? Мир вроде этого не для изящной баронессы.
– Какое тебе дело?
– После крушения я вытащил тебя из-под обломков в полубессознательном состоянии. Ты бредила и все повторяла одни и те же два слова. Два имени. Одно из них – Гланис. А второе...
Она недолго выдержала его взгляд – отвела глаза, уставилась в окно.
– Ной, – сказал он.
Он знает, пронеслось у нее в голове. Но она ответила твердо:
– Понятия не имею, кто это такой.
Он стремительно поднялся, схватил ее за подбородок и повернул ее голову так, чтобы видеть лицо.
– Не прикидывайся дурочкой, это ниже твоего достоинства.
– Я клянусь, что не знаю никого с таким...
Она не договорила – Кранит вдруг отскочил прочь. Лишь миг спустя она сообразила: он заметил что-то снаружи. Торопливо перегнувшись через приборную панель, он взгляделся вниз через окно кабины. На мясной баркас, пришвартованный по соседству, полдня грузили клетки с пленниками, но вот уже несколько часов как все затихло.
– В чем дело? – спросила она.
Пальцы Кранита застучали по клавиатуре, и на мониторе замелькали изображения с камер, установленных снаружи под разными углами. Рядом с кораблем никого не было.
Ни паладинов. Ни ведьм.
Ни четырех охранников.
Выругавшись, Кранит схватил бластер.
– Сиди здесь и не шевелись.
Она демонстративно подняла руку, звякнув цепью.
Он буравил ее взглядом. Глаза у него были цвета ржавчины.
– Без глупостей, поняла? Ты наверняка напридумывала их уже целую кучу, но поверь мне, ничего у тебя не выйдет, – он сделал пару шагов и остановился на пороге: кабина пилотов на «Кночи» была едва ли больше, чем на шлюпке. – Если со мной случится беда и кто-нибудь захватит корабль, не пытайся обороняться. Плевать, кто – не надо геройствовать! Тогда, может, и уцелеешь.

С этими словами он ушел, оставив ее наедине со своей омерзительной плевательницей.

8

Только четвертый часовой доставил Шаре хлопоты.

В конце концов ей ничего не оставалось, кроме как выстрелом из бластера отправить его через край платформы. Это могло привлечь внимание – на более нижних этажах космопорта или на борту «Кночи».

Она юркнула под один из соседних кораблей – шхуну с развороченным низом, из которого кабели и изношенная аппаратура свисали, словно внутренности из вспоротого рыбьего брюха.

Отсюда Шара видела лишь изогнутую корму «Кночи» – острия полумесяца и кабина смотрели в противоположную сторону. Однако, бросив взгляд под корабль, она заметила, как опустилась нижняя челюсть стального лица и выехал трап.

Прошло минуты две, но больше ничего не происходило; тихо было и у запасного выхода, который отсюда хорошо просматривался. Шара задалась вопросом: возможно ли, что на борту «Кночи» ничего не услышали? Поди взвели все орудия, а это оттягивает энергию от акустических сенсоров – один из тех изъянов, которые вызывали в сердце любящей хозяйки такое же умиление, как трехногая собачка. Впрочем, новые владельцы вряд ли разделят ее мнение.

Вокруг соседнего корабля тоже все было спокойно, люки мясного баркаса работаровцев оставались задраены. Если внутри и слышали выстрел, никого это, похоже, не волновало. Шара ценила бандитов, которых заботят только собственные преступления.

Трое часовых лежали с перерезанными глотками за ближайшей бетонной опорой. Шара сработала быстро и чисто, между пятнами масла на полу не алело ни капли крови. Бластер, которым она разжилась в штаб-квартире Гильдии, не имел функции оглушения, поэтому выбора у нее не оставалось: пришлось перебить всех четверых одного за другим. Зачистить пространство на три шага вокруг – пусть она выбыла из армии уже больше десяти лет назад, но базовые правила не забыла.

Скорее всего, новые владельцы «Кночи» – торговцы. Или бывшие копатели вроде нее самой, которые продали свое право на разработку и приобрели на вырученные деньги корабль. Наивные дураки. Легкая добыча для Кальтара Пина – и для Шары тоже.

Она неслышно выскользнула из укрытия. Взрывошейник казался в три раза тяжелее, чем утром. Ее опасения подтвердились: до дьеньской штаб-квартиры Гильдии – весьма запущенной лавчонки, которую явно много лет не инспектировал ни один член Кавдорского дома –

предупреждение Кальтара Пина уже дошло. Буйнопомешанная раздобыла фальшивые документы, скоро явится и потребует снять взрывошейник. От злости на саму себя Шара немного утратила контроль над своими действиями – и теперь ее наверняка ищут по всему городу. В одном, увы, Пин был прав: иногда она действительно теряла самообладание и *действительно* вела себя как буйнопомешанная. Пин разбирался в людях и знал, чего стоит отрезанное ухо.

Кроме фатальных последствий для двоих специалистов Гильдии по взрывошейникам, Шарина вспышка бешенства привела к еще одному неутешительному результату: штаб-квартиру ей пришлось покинуть в большой спешке. Поэтому железный обруч по-прежнему стискивал ее шею, время до взрыва таяло, а солдатам Гильдии наверняка скоро придет в голову поискать ее в космопорте, там, где стоит Шарин корабль.

Никаких шансов вовремя найти разрядчика и получить отсрочку у Шары не было. По пути с одной заставы на другую их обычно сопровождает не меньше дюжины охранников. К тому же снять ошейник они все равно не могли – это делали только в штаб-квартирах Гильдии, расположенных в трех космопортах. Система, посредством которой приговоренных преступников превращали в покорных индигоискателей, была столь же отлажена, сколь отвратительна.

Вне всякого сомнения, ориентировки на Шару распространились по мирам Гильдии со скоростью света. Лететь в штаб-квартиру на другой планете не имело смысла. У каждого ошейника свой индивидуальный сигнал – ее задержат на пороге.

Но если ей предстоит умереть, то хотя бы не здесь, не на Нурденмарке. Она в последний раз выйдет в космос на «Кночи», долетит до тихого уголка галактики с видом на родное солнце и будет ждать неизбежного, пожевывая табак, припасенный в кабине. Все случится в один миг. Бывает смерть и похуже, она это прекрасно знала.

Вот только корабль ей было жалко – если кто и вызывал у нее теплые чувства, то разве что «Кночи». С другой стороны, она испытывала умиротворение при мысли, что в последнем полете они будут вместе до конца – две верные подруги на бескрайнем просторе космоса.

Пригнувшись, Шара пробежала под фюзеляжем-полумесяцем и остановилась у гигантского подборodka, расположенного в центре дуги. Держа бластер на изготовку, она откинула крышечку, под которой пряталась клавиатура, ввела код доступа и с облегчением убедилась, что система безопасности приняла его. Через мгновение затрещали подъемные механизмы, челюсть опустилась, выдвинулся трап, и переборка, за которой находился трюм, отъехала в сторону, сложившись стальной гармошкой.

Она не сомневалась, что внутри ее ждут, поэтому пробормотала какие-то извинения в адрес «Кночи» и на всякий случай выпустила три лазерных стержня в тускло освещенное нутро корабля. Два заряда угодили в нагромождение ящиков – грузовых контейнеров, оставшихся с тех времен, когда Шара барыжила всякой всячиной. Третий оставил на противоположной стене небольшое выжженное пятно. Но ни один противник так и не показался из укрытия.

Низко пригнувшись, Шара взбежала по трапу.

9

Как и на большинстве очень старых кораблей, антигравлифт на «Кночи» не работал, вероятно, уже несколько столетий. Кранит мог бы соскользнуть вниз по штанге, но предпочел стальную лестницу, приваренную к стене шахты. Перекладины заржавели и дребезжали.

Он как раз спустился на нижний из трех уровней головного модуля – здесь находился трюм, – когда переборка открылась и выехал трап. Очевидно, кто-то знал код доступа – скорее всего, подручные этого самого Кальтара Пина. Через мгновение вокруг него засверкали лазерные лучи, но он успел юркнуть в укрытие – быстро, как в незапамятные времена, хотя каждой косточкой чувствовал свой возраст. Панадский жевательный табак, кстати, помогал от растяжений и судорог.

Кто-то торопливо взбежал по трапу и притаился за горой ящиков. Ему показалось, что это женщина, но уверен он не был: уж больно плечи широкие. Голова обрита налысо, лицо исхудалое. Одета, как большинство копателей в рудных мирах: штаны с карманами, свитер и длинная куртка – практичная всепогодная одежда оливково-коричневой расцветки. По ее движениям он сразу определил и род ее занятий. Скорее всего – солдатка, которую мастер Гильдии нанял, чтобы получить корабль обратно, а потом перепродать его еще какому-нибудь простофиле.

Кранит хотел было крикнуть, что у нее нет ни малейшего шанса и лучше бы ей убраться подобру-поздорову. Но здесь, в Марках, обычно дрались до конца, потому что другого пути просто не было, – и он решил пренебречь дипломатией.

Амунский бластер, покрытый изящной резьбой, идеально пропорциональный, ладно умещался в испещренных шрамами руках. Каждый орнамент имел свое значение, известное одному лишь Краниту. Они символизировали его происхождение, его историю. Даже на двух сходящихся энергетических остриях, которые образовывали ствол бластера, были вытравлены знаки.

Но все же бластер, принадлежащий оружейнику Амуна, был в первую очередь рабочим инструментом, а не красивой безделушкой; поэтому, направляя дуло на открытую переборку, Кранит твердо намеревался убить любого, кто решит проникнуть на корабль.

Но больше на трапе никто не показывался. Неужели женщина явилась одна? Либо она очень храбра, либо себя переоценивает – скорее всего, и то, и другое. Хотя он не сомневался,

что она потихоньку подкрадывается к нему, прячась за нагромождением ящиков с левой стороны трюма, он не слышал ни звука.

Лазерный стержень пронесся над его головой – настолько низко, чтобы волосы на затылке встали дыбом. Кранит обернулся и выстрелил. Посыпались искры и расплавленный пластик, и ярко-белая вспышка высветила узкий силуэт, тут же юркнувший обратно за ящики. Кранит тоже прыгнул в укрытие. Контейнеры защищали его в лучшем случае от глаз противника, но лазерного обстрела они бы не выдержали. Кранит мог огнем проложить себе путь, но если его противница сделает то же самое, им обоим в конце концов придется шлепать по болоту из вязкого горячего пластика.

Рядом снова ударили лазерные стержни. Она и не думала отступать. Обеими руками сжимая бластер, Кранит обогнул стопку контейнеров с другой стороны. Выглянув из-за угла в проход, он определил, откуда стреляют. Один залп из амунского бластера – и тут же стало ясно, у кого оружие мощнее. Световой стержень прошел в нагромождении ящиков узкий коридор из разжиженной пластмассы, раздался крик, и Кранит увидел, как его противница скользнула между контейнерами. Ее плечи дымились – похоже, ее обдало расплавленным пластиком.

Смелости ей было не занимать, хотя излишняя импульсивность явно мешала. Несомненно, ее учили обращаться с оружием, но наверняка это было давно. С тех пор она разучилась подавлять ярость и полагаться только на голос разума. Таких противников Кранит побеждал неоднократно.

Она снова выстрелила и промахнулась чуть не на два метра. Может, она этого еще не поняла, но исход битвы был решен. Не пройдет и минуты, как он ее убьет.

Гораздо больше его беспокоил шум, который производила их схватка. Сквозь открытую переборку выстрелы и грохот наверняка разносятся по всему этажу. Чем дольше бой будет тянуться, тем больше внимания привлечет.

Он находился недалеко от внешней переборки, но до кнопки, чтобы ее закрыть, добраться не мог. И вдруг до него дошло, что она загнала его ровно туда, куда хотела. Она не собиралась его убивать, а хотела лишь расчистить себе путь в глубь корабля. Коридор на противоположной стороне трюма вел к вышедшей из строя антигравшахте и к лестнице. Вполне возможно, ее интересует не корабль, а пленница. Эх, он все же надеялся, что конкуренты объявятся не так скоро.

В следующий миг оба выскочили из укрытий. Она, чтобы броситься в коридор – он, чтобы ничего не мешало стрелять. Она пальнула на бегу, и он ответил несколькими залпами. Вонючий дым расплавленной пластмассы заполнил весь трюм, световые стержни вспыхивали в густом чаду, словно молнии в туче. Кранит зигзагом кинулся сквозь плотную завесу, стреляя лишь тогда, когда оказывался справа от коридора, и таким образом перетянул ответный огонь на одну сторону. Противницу он больше не видел и лишь по лучам бластера определил, что она почти добралась до коридора. Один из зарядов задел его, опалив рукав и плоть под ним; Кранит снова перебежал налево и впервые выстрелил с этой стороны. Наградой ему был крик, полный ярости и боли, раздался грохот, и что-то проехало по металлическому полу. Сквозь дым Кранит разглядел бластер своей противницы, чуть ли не надвое расколотый прямым попаданием.

Саму ее отбросило к стене, но он заметил ее, только когда оказался совсем близко. Всю ее руку усеивали ожоги от брызг расплавленного пластика. А еще на ней был взрывошейник – как на миллионах других рабочих в рудных мирах. Краниту сильно повезло, что ни один из его выстрелов не задел стального обруча.

Она с ненавистью взглянула на него, крепко сжав губы.

Обеими руками он поднял бластер и прицелился ей в грудь.

10

Отчаянно надеясь, что все сработает, Иница произнесла кодовое слово, активировавшее кольцо, которое Гланис дал ей перед стартом.

Речевой сенсор среагировал немедленно. На кольцо загорелась красная лазерная точка – не больше булавочной головки. Иница торопливо провела лазером по стальному звену кандалов, но поспешила – пришлось начинать заново. На этот раз ей удалось сделать насечку шириной с волосок. Еще один круг – и цепь распалась, оба конца печально обвисли.

Иница повторила кодовое слово, и лазерный огонек потух – хотя и без того заряд наверняка израсходовался почти до конца. С облегчением она соскочила с кресла помощника пилота, на радостях чуть не пнула плевательницу и бросилась вон из кабины. На дне заброшенной антигравшахты свистели бластерные выстрелы. Иница предпочла бы воспользоваться запасным выходом и обойти стороной бой, кипевший внизу, но она понятия не имела, где он на этом чудном корабле. Оставалось выбирать через трюм – в надежде, что Кранит и те, кто на него напал, к этому времени выведут друг друга из строя. Впрочем, иллюзий она не питала: шансы были очень малы.

Из шахты поднимался едкий дым, но она стала спускаться, цепляясь за перекладины лестницы. Рядом имелась штанга, тянувшаяся через все три палубы, однако соскользнуть вниз с такой высоты она не решилась. С каждой перекладиной вонь горящей пластмассы все глубже въедалась в дыхательные пути. Всякий раз, когда пальба затихала, она останавливалась и бросала взгляд вниз – но там так никто и не появился. Нужно было скорее выбираться отсюда – еще и потому, что ядовитые пары становились все гуще.

Когда до дна шахты оставалось всего несколько метров, она снова замешкалась. Глаза у нее горели и постоянно слезились. Коридор, ведущий в трюм, заволакивал густой дым. Зажужжала аварийная вытяжка, отсасывая ядовитые облака и впрыскивая в корабль свежий воздух. Но понадобится несколько минут, прежде чем результат ее работы станет ощутим. За это время Иница может и задохнуться.

Снова захлестали бластерные выстрелы, на этот раз залпов было много. Некоторые лазерные стержни долетели до шахты и разбились о противоположную стену. Металлическая панель взорвалась, из нее брызнул фонтан синих искр. Иница ухватила за перекладину, задержала дыхание, дождалась следующей паузы в перестрелке и соскользнула вниз. Как только ее ноги коснулись пола, она отскочила в сторону и прижалась к стене у входа в коридор.

В трюме царил тишина. Секунду Иница не отваживалась даже пошевелиться.

Дым в шахте начал вращаться: мощные вентиляционные установки откачивали чад через боковые трубы. Но дышать было по-прежнему нечем. В трюме раздались шаги, затем человек остановился у самого коридора.

Легкие Иници бунтовали, грудь болела. Ей *необходимо* вдохнуть!

На миг все стихло. Затем женский голос сказал:

– Тебе не удастся улететь на «Кночи» без меня. На корабле есть код безопасности. Без него вся эта шарманка разлетится на мелкие кусочки – ровно через четверть часа после старта.

Кранит ответил не сразу. Когда он заговорил, по его тону было ясно, что он не поверил ни единому ее слову.

– Я лично проверил стартовые настройки. Никакого кода нет.

– Ты его просто не нашел. Согласись, есть разница.

– Ты прежняя владелица? Мастер Гильдии сказал, ты умерла.

– Он грязный лжец.

– Подписываюсь.

– Если ты меня убьешь, не успеешь даже из атмосферы выбраться.

– И что ты предлагаешь?

– Скоро сюда явится охрана. Давай исчезнем вместе. Мы и потом успеем друг друга прикончить.

Иница больше не могла терпеть. Ее скрутил жесточайший кашель, голова пошла кругом. Она привалилась к стене, ее выворачивало наизнанку – а затем, выбравшись из укрытия, она неверными шагами вошла в трюм.

Оружейник стоял метрах в трех от нее, в центральном проходе между рядами оплавленных контейнеров, и держал на мушке бритоголовую женщину, сидевшую на полу. Когда Иница, кашляя и позвякивая куском цепи на запястье, вынырнула из клубов дыма, он посмотрел на нее с бешенством. Воздух здесь был получше: антигравшахта оттягивала дым. Через несколько мгновений Иница хрипло задышала, одарила Кранита невиннейшей улыбкой – и бросилась на него плечом вперед.

Он покачнулся, попытался поймать ее, но Иница увернулась и со всех ног побежала к открытой переборке, широкий проем которой виднелся за трепещущей дымовой завесой.

Кранит крикнул что-то ей вслед, но она не разобрала ни слова. До трапа оставалось несколько шагов. Может, у нее все получится – улизнуть сперва с корабля, затем из космопорта, наконец, из этого проклятого города. Нужно просто действовать быстро, пока он занят неведомой противницей.

Где-то рядом взвизгнул выстрел, но Иницу не задел. Кранит убил женщину, чтобы кинуться за Иницей? Или это было предупреждение?

Она поняла, что к чему, только когда в дыму перед ней замелькали многочисленные силуэты. Пять человек взбежали по трапу и преградили ей путь. Силуэты были широкоплечие, скорее всего, в доспехах из бронепластика. Но цвет, насколько она могла разобрать, не красный – значит, не паладины. Вероятно, охрана космопорта.

Бросив взгляд через плечо, она увидела, что Кранит лежит на полу. Бритоголовая женщина рванулась за его оружием, но раздался второй выстрел, выщербивший плитку пола между ней и амунским бластером. Она отдернула руку и присмирела.

– Остановись, пожалуйста, – сказали Инице мягко.

Она замерла. Предводитель тяжеловооруженного отряда выступил на шаг вперед. Примечательнее всего в нем были глаза: он выкрасил их серебром – затея весьма дорогостоящая. Ни один охранник космопорта в жизни не смог бы себе позволить такой роскоши. Она похлодела, сообразив, кто эти люди.

– Значит, ты и есть та самая маленькая баронесса, о которой мы слышали, – его улыбка наводила на нее ужас, в его глазах сверкали ехидные искорки. Он повернулся к своим подручным и распорядился: – Возьмите-ка этого здоровяка и запихните в клетку к остальным. Если зашевелится, оглушите снова.

– А с этой страшной бабой что делать?

– Сколько лысых женщин мы продали в последний раз?

– Ни одной, командир.

– Твои предложения?

– Нет никаких причин ее кормить.

– Здравов рассуждаешь.

– Не убивайте ее! – услышала Иница собственный голос – раньше, чем успела осознать свои намерения.

– С какой стати? – осведомился предводитель работорговцев. Кожа лица у него явно была подтянута хирургическим путем, черная борода подкрашена. Тщеславен – но наверняка это наименьший из его грехов.

– На корабле есть код безопасности, – сказала Иница. – Вскоре после старта он взлетит на воздух, если только она не введет код.

– И? У меня уже есть корабль.

– А будет два.

Он подошел к Инице так близко, что сильный запах его парфюма ударил ей в нос.

– Да у нее ума палата, у нашей хорошенькой баронессочки. Изволит объяснять мне, что мое, а что нет.

– Я вовсе не...

Он влепил ей звонкую оплеуху. Иница вздрогнула, но не издала ни звука и не отшатнулась. Гордо повернула голову и вновь посмотрела ему в лицо. Щека горела адским пламенем, но она не позволила себе обращать на это внимание.

За ее спиной раздались шаги – подручные работорговца направились к Краниту и незнакомой женщине. Но Иница, не отрываясь, смотрела в глаза главарю, словно могла заставить вспыхнуть серебряные частички, вживленные в радужную оболочку.

– Корабль, конечно, необычный, – сказал он. – Но все же за тебя мне заплатят в сто раз больше, баронесса Талантис.

– Откуда вы знаете, кто я? – холодно осведомилась она. Ведьма Сетембра ее, без сомнения, ищет, но вряд ли нанимает для розысков подобную шушеру.

Вместо ответа он окинул ее взглядом с головы до ног.

– Я еще не решил, отвезу тебя назад на Кориантум или передам Ордену. Да и на рынках Течения за тебя дадут неплохую цену.

– Вы меня не напугаете, – солгала она ему в лицо, но он лишь шире улыбнулся.

Двое его подручных протащили к трапу парализованного Кранита. Оружейник пытался что-то сказать, но из его глотки вылетали лишь нечленораздельные звуки. Он был в полном сознании, но не мог шевельнуть ни пальцем. Еще недавно она не чаяла избавиться от этого негодяя, а теперь ей очень хотелось, чтобы он был рядом.

– Стойте! – приказал работорговец.

Наемники остановились. Главарь критически оглядел Кранита.

– Уже не молод, но весьма силен. Посадите его к женщинам, я не хочу, чтобы он перебаламутил других мужиков.

– Взгляни на его бластер, – сказал один из наемников. – Вон там валяется.

Нахмурившись, главарь бросил через плечо Иницы заинтересованный взгляд, но отсюда оружие Кранита было толком не разглядеть.

– Уберите его, – велел он.

Его подручные поволокли оружейника дальше.

– Так а с ней что? – крикнул один из тех, кто остался в глубине корабля. Бритоголовая незнакомка прорычала что-то оскорбительное, получила в ответ прикладом бластера и затихла.

Торговец обернулся к Инице:

– Это ведь не твоя подружка, верно?

– Нет.

– Знаешь, как ее зовут?

Женщина сплюнула кровь и крикнула:

– Хочешь узнать – спроси у меня!

– Имя?

– Шара Биттерштерн.

Лицо работоторговца просветлело.

– Биттерштерн... Я слышал об одной сумасшедшей, которая так себя называет. Контрабандистка из Течения. Проворачивала сделки с пиратами – они-то ее и предали. Смылись, как только появились корабли Гильдии, а эту сучку бросили.

На пол шлепнулся еще один кровавый плевок.

– Поэтому на тебе ошейник? – осведомился он с самодовольной ухмылкой. – Попасться на торговле с пиратами – это омерзительное преступление, при мысли о котором приличных дельцов вроде меня мороз пробирает.

Шара дала ему совет, касавшийся бластера и некоего места *пониже* спины. Мужики расхохотались. Один из охранников хотел снова ударить ее прикладом, но главарь ленивым жестом остановил его.

– Малявка говорит правду? – осведомился он. – У этой посуды есть код безопасности?

– А у твоей нет?

– Разумеется, есть, – ответил один из подручных и заработал испепеляющий взгляд хозяйина.

Иницу удивляло, почему они никуда не торопятся. И вдруг ее осенило: охрана космопорта наверняка подкуплена... Иначе как бы они беспрепятственно грузили клетки, набитые людьми? Работоторговля в Марках не была запрещена, но к мясным баркасам и их экипажам никто не питал приязни, и охрана, очевидно, избавляла этих бравых ребят от лишних беспокойств. А уж не услышать пару выстрелов в ночи... да легче легкого!

Наемники, тащившие Кранита по трапу, остановились.

– Ты правда хочешь присвоить корабль? – спросил один из них. – Зачем он нам? У нас ведь только один пилот.

Предводитель закатил глаза и сказал Инице:

– Полюбуйтесь, драгоценная баронесса: вот с таким дремучим невежеством мне приходится сталкиваться ежедневно, – он обернулся к наемнику, который задал вопрос. – Наш друг Кальтар Пин выставил эту безделушку на продажу. Мы продадим ему корабль обратно, бонусом пойдет код безопасности – гарантия того, что его будущие покупатели останутся довольны. Это будет стоить ему нескольких сильных заключенных из Кольца. Я бы даже сказал, пары дюжин.

Его товарищи согласно закивали.

– Этот пилот, – проговорила Иница, – это вы и есть?

– А ты думаешь, я доверю свой корабль *им*?

Она подняла руку, и он мигом перехватил ее запястье. Но она вовсе не собиралась наносить удар – и, кажется, он это понял. Помешкав, он выпустил ее руку. Она коснулась его гладковыбритой кожи, провела пальцами по щеке.

– Я хочу предложить вам сделку, – сказала она.

Сзади Шара с отвращением выругалась себе под нос.

На миг в серебряных глазах тщеславного работорговца мелькнула тень сомнения. Но Иница была на голову его ниже и вполтину легче, а он не хотел выставить себя трусом перед своими приспешниками. Покровительственно улыбнувшись, он кивнул ей: дескать, продолжай.

– Я на многое готова, лишь бы меня отвезли туда, куда я скажу, – проговорила она, поглаживая его бородку и вновь прикасаясь к щеке.

– Что ты можешь мне дать такого, чего я не получу от дюжины рабынь?

– Нежность. Тело без шрамов, – его подтянутое лицо дрогнуло под ее пальцами. – Вам же нравится гладкая кожа, правда? Сколько на борту вашего корабля баронских дочерей?

Наемники на трапе напряженно наблюдали за этой сценой; те двое, что остались стеречь Шару, тоже не сводили с них глаз.

Его улыбка стала шире.

– Я могу заковать тебя в цепи и даром взять то, что ты пытаешься так дорого продать.

Она улыбнулась в ответ.

– Хотите меня увидеть? Увидеть целиком?

Он взял ее за шею, большим пальцем провел по ее горлу.

– Может быть.

– Увы, – сказала она и произнесла кодовое слово.

Возможно, он еще увидел свет, затеплившийся в ее кольце, но среагировать не успел. Она вскинула руку к его правому глазу, и лазер, пронзив серебряные пигменты, как по маслу вошел в радужную оболочку. Работорговец взвыл, выпустил ее шею и отшатнулся, а лазерный огонек в кольце потух. Заряд наконец иссяк.

Ослепший на один глаз, работорговец с ревом вскинул бластер и нажал на спуск. Иница бросилась в сторону, лазерный стержень прошипел мимо и чуть не попал в наемника, сторожившего Шару. Оба охранника отпрыгнули в стороны и на две секунды выпустили Шару из поля зрения – достаточно, чтобы она перекатилась к оружию Кранита. Уворачиваясь от второго луча, Иница потеряла ее из виду, но услышала пальбу за спиной; раздался крик, а вслед за ним – торжествующий возглас Шары. В одного из охранников она попала, но второй сшиб ее с ног и прижал всем весом к полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.